

ВОЕННО-ФАНАТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

МАКСИМ ШЕЙКО

ИДУТ ПО КРАСНОЙ
ПЛОЩАДИ СОЛДАТЫ
ГРУППЫ
«ЦЕНТР»

Мир за гранью войны

Максим Шейко

**Идут по Красной площади
солдаты группы «Центр».
Победа или смерть**

«Яуза»

2013

Шейко М. А.

Идут по Красной площади солдаты группы «Центр». Победа или смерть / М. А. Шейко — «Яуза», 2013 — (Мир за гранью войны)

«Идут по Красной площади солдаты группы “Центр”» – родись Владимир Высоцкий в этой альтернативной реальности, ему бы пришлось переписать свою знаменитую песню именно так. В этом «перпендикулярном мире» Вермахт сломил сопротивление Красной Армии и осенью 1941 года взял Москву. Здесь Гитлер принимает победный парад у стен Кремля... **НОВЫЙ** фантастический боевик от автора бестселлера «“Попаданец” в СС»! Великая Отечественная продолжается даже после падения столицы. Сможет ли СССР собраться с силами, чтобы нанести ответный удар? Удастся ли Сталину переломить ход войны? Готов ли советский народ стоять насмерть, не считаясь с потерями, и сражаться до победного конца – или большевикам придется подписывать новый Брестский мир?..

© Шейко М. А., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Максим Шейко

Идут по Красной площади солдаты группы «Центр». Победа или смерть

*Дрожат одряхлевшие кости
Земли перед боем святым,
Сомненья и робость отбросьте,
На приступ! И мы победим!!*

Глава 1

Все только начинается

Холодным и хмурым ноябрьским вечером невысокий, невзрачный человек в неброском френче медленно прогуливался по длинному кабинету. Между стенкой и длинным столом для совещаний с придвинутыми к нему стульями. От одной обитой деревянными панелями стены до другой такой же, но снабженной еще и массивной дверью. И обратно. Ни привычно закрытого тяжелыми темно-зелеными шторами окна, ни шикарной дубовой двери с литыми бронзовыми ручками. Только толстый, покрывавший весь пол ковер и мягкие кавказские сапоги, как и раньше, скрадывают шум шагов.

За последние месяцы было много таких изменений. Сперва пришлось перебраться из Кремля в метро, потом и вовсе покинуть столицу. Теперь приходится жить и работать в подземном убежище под Куйбышевом, строительство которого начали сразу после сдачи Смоленска еще в самом начале войны и вели сверхударными темпами, чтобы иметь хорошо оборудованный командный центр на самый крайний случай. И вот этот «крайний случай» наступил. Так что теперь столица советского государства находится здесь. Надолго ли?

Конечно, сопротивление продолжится – у страны советов еще остались гигантские ресурсы. Правительство своевременно эвакуировано, на Урале, в Поволжье и Сибири на основе эвакуированных предприятий развертывается мощное военное производство. В тылу формируются новые дивизии и армии – война будет продолжена и доведена до победного конца! Но, как же трудно смириться с потерей Москвы! Дело даже не в важнейшем железнодорожном узле страны, не в заводах, аэродромах и мостах. Нет. Москва всегда была символом, олицетворением, средоточием всей жизни огромной страны. С потерей столицы у Советского Союза буквально вырвали сердце. Как теперь, после всех потерь и поражений последних месяцев, объяснить народу еще и эту утрату?!

Москва не Минск, не Киев и даже не Ленинград. Их потеря была обидна, болезненна, тяжела, но людей поддерживала надежда: за нами Москва – враг будет разбит, победа будет за нами! «Говорит Москва» – с этого начинались все официальные правительственные сообщения, а что можно сказать в утешение людям теперь, какую надежду им дать? От чувства собственного бессилия в душе медленно поднималась холодная ярость. Нет! Он не сдастся! Первое полноценное (после переезда) совещание Ставки, которое начнется в этом самом кабинете полчаса спустя, должно стать переломным моментом в этой войне – решения, принятые сегодня, заложат фундамент будущих побед. Да, именно так и никак иначе. Если бесноватый немецкий выскочка думает, что, захватив Москву, смог сломить его, то он жестоко ошибается. Скоро враги поймут, почему глава первого в мире социалистического государства носит фамилию СТАЛИН. Человек в защитном френче прекратил свой неторопливый поход по замкнутому маршруту и усмехнулся в свои знаменитые усы – впервые за долгое время.

В отличие от вождя остальные участники совещания уверенности ни в чем не испытывали, что было ясно написано на их лицах. Да и тон звучащих докладов не внушал оптимизма: из-за быстрого продвижения вражеских войск эвакуация промышленных предприятий, сельхозпродукции и готовых товаров прошла не в полном объеме; из-за потери ряда железнодорожных узлов задерживается прибытие на фронт свежих подкреплений; обеспечение воинских частей техникой, вооружением и боеприпасами упало до самой низкой отметки с начала войны, причем исправить сложившееся положение в ближайшее время не представляется возможным, так как производство военной продукции также находится на чрезвычайно низком уровне в связи с потерей или эвакуацией ряда ключевых военных заводов. Моральный дух армии из-за непрекращающихся поражений упал до критической отметки. В связи с потерей наиболее развитых сельскохозяйственных районов в следующем году неизбежен кризис в снабжении населения продовольствием... И так практически во всем! Сплошная череда проблем и неудач, трудностей и опасностей.

Сталин в очередной раз неторопливо прошелся вдоль зала и вдруг, резко развернувшись, прервал на полуслове очередного докладчика:

– Ви думаете, что у нас есть выбор? – Как всегда, в ответственные моменты акцент стал заметнее – верный признак волнения. – Думаете, что мы можем выбирать, сражаться дальше или нэт? Подумываете о новом брестском мире? – После этих слов вождя в зале повисла напряженная тишина. Наркомы и генералы один за другим отводили глаза, боясь встретить колючий взгляд САМОГО. В установившейся тишине с треском сломался в чьих-то сведенных от напряжения руках карандаш. И этот, показавшийся невероятно громким звук словно освободил сжатую пружину – покров молчания лопнул, и присутствующие наперебой стали уверять в своей непоколебимой решимости продолжать войну до победного конца во что бы то ни стало. Сталин разочарованно покачал головой.

– Думаете. Думаете, что победить немцев нэльзя. Что проще откупиться – отдать Украину, отдать Прибалтику, отдать Бэларусию... Немцы тоже так думают! Имэнно на это они и рассчитывают. Вся их стратегия построена на авантюризме. Напасть внезапно, исподтишка, захватить, пограбить и запугать. А потом запуганный и ограбленный сам отдаст все оставшееся. Так было во Франции в прошлом году, так они поступают и тэпэр.

Но на этот раз фашисты просчитались – мы не испугались их нападения и готовы продолжить войну до полного разгрома врага и освобождения своей зэмли. А они уже нэ могут воевать. Немецкие войска остановлены на всэх фронтах! И они боятся продолжения войны. Поэтому они и хотят заключить мир. Нэдавно немцы через наших прэдставителей в Болгарии сами прэдложили нам начать мирные пэреговоры. Разве победители так поступают? Нэт! Это просто последняя попытка зарвавшэгося агрэссора запугать нас. – Произнося эту речь, Сталин лукавил. Инициатива в болгарских переговорах исходила как раз от советской стороны. Осторожный зондаж в этом направлении начался еще в начале октября, в самый разгар «Тайфуна». Немцы были, в общем, не против, однако выдвинутые ими требования повергли советскую сторону в ступор. Немецкие представители безапелляционно потребовали передать под контроль Германии всю территорию СССР, находящуюся западнее линии Архангельск – Астрахань. Вместе со всей находящейся там промышленностью и населением. И это не считая прочих требований! Выполнение этих условий означало фактическую ликвидацию Советского Союза. Мир такой ценой был хуже любой войны. Поэтому переговоры были практически сразу заморожены, а Сталин и Берия (по линии которого и велись предварительные консультации) не стали никого информировать о самом факте переговоров.

И вот теперь вождь решил с пользой использовать неудавшуюся попытку полуторамесячной давности – с худой овцы хоть шерсти клок. И ведь сработало! Еще недавно сидевшие с похоронными физиономиями участники совещания оживают буквально на глазах. Все-таки

надежда – великая вещь. Она дает силы даже тогда, когда силы взять уже негде. Теперь нужно только закрепить это настроение, а затем придут и настоящие успехи – не могут не прийти!

* * *

У руководства Третьего рейха в отличие от их советских коллег с успехами проблем не было – их было даже больше, чем ожидалось. Проблемы были с результатами.

К наступлению зимы вермахт смог, хоть и не без труда, захватить основные политические, экономические и коммуникационные центры Советского Союза. Красной армии было нанесено жесточайшее поражение. Потери советской стороны были просто астрономическими, исчисляясь миллионами солдат и десятками тысяч единиц техники. А результат всех этих усилий был нулевым. Ну, или почти нулевым.

Главная цель: вывести СССР из войны посредством одной летней кампании, обезопасить свой тыл, обеспечить экономику ресурсами и создать, таким образом, необходимые условия для длительного противостояния с англосаксонским блоком – достигнута так и не была. Война на востоке продолжалась, требуя все новых ресурсов. О переброске войск на запад и частичной демобилизации для укрепления промышленности не могло быть и речи. Напротив, ОКХ настойчиво требовало отправки на Восточный фронт новых резервов, маршевых пополнений, техники, боеприпасов...

Действующие на востоке армии были измотаны и обескровлены, превратившись в бледные тени тех первоклассных, полностью укомплектованных соединений, которые пятью месяцами раньше пересекли границы СССР, сметая все на своем пути. Срочно требовались обученные пополнения, чтобы вновь привести части в полностью боеспособное состояние. А вот пополнений как раз и не хватало. К тому же экономика уже начинала понемногу захлебываться, пытаясь одновременно удовлетворить растущие потребности армии и сохранить на довоенном уровне производство гражданских товаров. Начавшаяся интеграция европейской промышленности тоже добавляла немало головной боли, хотя и сулила в перспективе большие дивиденды. Но до будущих выгод еще надо было дожить, а проблем хватало уже сейчас.

И все же, несмотря на трудности, невиданные военные успехи пьянили. Казалось, победа уже близка. В октябре нервы у советского руководства наконец-то сдали, и через Болгарию было направлено давно ожидаемое предложение мира. Но вот условия... Сталин готов был отдать только то, что и так уже было им потеряно – западные союзные республики. А Гитлер хотел получить больше, гораздо больше... В результате переговоры сорвались, толком не начавшись. Немцы рассчитывали, что после взятия Москвы переговоры возобновятся, но... Время шло, проблемы затяжной войны проявлялись все отчетливее, а новых предложений о мире все не поступало.

Все это, вместе взятое, отнюдь не добавляло настроения фюреру германской нации. Весь последний месяц осени его настроение скакало от радостной эйфории до глубокой депрессии и обратно. К началу зимы Гитлер окончательно впал в уныние, стал нервным и раздражительным, злобно реагируя на любые попытки внести изменения в военную и экономическую политику страны в связи со сложившимися обстоятельствами и тем самым признать несостоятельность принятой им стратегии.

Припадки ярости фюрера сделались настолько частыми, что приближаться к нему без крайней надобности избегали даже ближайшие соратники, опасаясь навлечь на себя несправедливый гнев. Тем больше было удивление дежурного адъютанта, когда глава РСХА Рейнхард Гейдрих в неслужебное время (!), неся под мышкой папку документов (!!), с абсолютно невозмутимым видом (!!!) проследовал в личные апартаменты Гитлера в восточнопрусской ставке.

– В чем дело, Рейнхард? – Гитлер был раздражен, как всегда в последнее время, и даже не пытался это скрывать. В ответ Гейдрих молча протянул красивую кожаную папку, набитую бумагами.

– Что это?

– Ознакомьтесь, мой фюрер. Думаю, это сможет объяснить многие из последних событий. – Голос шефа РСХА, когда он произносил эту фразу, был предельно серьезен, как и все его поведение в целом. Каждый звук, каждая деталь одежды, поза, мимика – решительно все говорило о том, что случилось нечто чрезвычайно важное. То, что может разом решить все проблемы и дать ответы на все вопросы. Фюрера проняло. Не требуя больше дополнительных пояснений, он тут же раскрыл папку и углубился в чтение разнообразных документов, разложенных в строгом порядке.

По мере чтения лицо Гитлера стремительно менялось. Фюрер германской нации сперва побагровел, затем побледнел, его скулы свело судорогой, правое веко и щека стали подергиваться от нервного тика, пальцы, перелистывающие документы, нервно дрожали. Гейдрих, почтительно стоя в сторонке в ожидании вердикта, буквально наслаждался открывшимся зрелищем. При этом на его холемом аристократическом лице, словно маска, застыло выражение сосредоточенного внимания. Учитывая обстоятельства, это показное хладнокровие и невозмутимость смело можно было считать подлинным триумфом воли. Но душа... Душа обергруппенфюрера² ликовала. Ибо в эту самую минуту Гейдрих воочию наблюдал результат своих неустанных трудов. Его талант, его интриги, его замыслы – все это сейчас воплотится в волю фюрера, которая вознесет его на вершину могущества и низринет в ничто тех, кто осмелился противостоять ему. Впрочем, триумф еще только предстоит. Как и тяжелая работа по превращению результатов этого триумфа в нечто реальное и осязаемое. А пока... пока можно просто наслаждаться зрелищем – оно того стоит!

Зрелище и вправду вышло презанятным. Гитлер, не дочитав даже до середины, просто бегло пролистал оставшиеся документы, после чего резко швырнул папку на стол и вскочил со своего места. Выглядел при этом фюрер, словно безумный. Волосы были всклокочены, мертвенно-бледное лицо перекошено, руки тряслись, лихорадочно шаря вокруг в поисках непонятно чего. В ярко-голубых глазах Гитлера плескалось безумие, смешанное с яростью.

Гейдрих, с тщательно скрытым интересом следивший за поведением вождя, ожидал взрыва, но голос фюрера прозвучал на удивление спокойно и даже отстраненно:

– Откуда у вас эта информация, Рейнхард?

– Из разных источников, мой фюрер. В этой папке собран результат работы подконтрольных мне ведомств в течение длительного времени. Но наиболее интересные документы и свидетельства, позволившие расставить все по своим местам, были добыты совсем недавно – во время штурма Москвы.

– При штурме? – К букету излучаемых Гитлером чувств добавилось еще и удивление.

– Да, мой фюрер. В преддверии генерального наступления на большевистскую столицу по моему приказу было создано специальное подразделение – зондеркоманда «Солар» под командованием штурмбаннфюрера Науйокса.

– Я помню. Это тот самый, который руководил действиями наших агентов в Глейвице и Венло.

– Совершенно верно. Целью команды был захват советских политических деятелей, а также архивов ряда интересующих нас ведомств. Для этого бойцы и командиры отряда получили соответствующее оснащение и широчайшие полномочия. К сожалению, выполнение первой части задания оказалось невозможным – все высшее руководство СССР покинуло столицу задолго до штурма. Зато со второй частью нам повезло: эвакуация проходила спешно и не

² *Обергруппенфюрер* – звание в СС, соответствующее генералу в вермахте или генерал-полковнику в Советской армии.

вполне организованно – многие документы не смогли вывезти или уничтожить. В результате мы узнали много интересного. Здесь, в этой папке, лишь самое основное из того, что нам удалось получить благодаря «Солару».

Гитлер задумчиво кивнул, полностью уйдя в свои мысли. Ему было о чем подумать – содержимое папки ясно и недвусмысленно указывало на то, что Вильгельм Канарис, глава Абвера, снабжал британскую разведку секретной информацией и фактически являлся иностранным агентом! Это объясняло все! Все те провалы и неудачи, накладки и нестыковки, что преследовали германскую военную разведку в последнее время. Становились понятны также и политические трудности последних лет. Да что там говорить, «крот» такого ранга был настоящей катастрофой! Так что Гитлер, потрясенный столь внезапным осознанием всей глубины открывшейся проблемы, пребывал, что называется, в прострации.

Зато Рейнхард Тристан Ойген Гейдрих мог вполне законно гордиться собой. Мог и гордился! Задуманная и проведенная им интрига по праву могла считаться шедевром. Зондеркоманда «Солар» сработала весьма эффективно, так что свой рыцарский крест Альфред Наутокс получил по праву. А вот дальше... Дальше в дело вступили спецы из 4-го и 6-го управлений и, используя захваченную в Москве «добычу», создали нечто, находящееся теперь в красивой папке на столе Гитлера. И это «нечто» было смертным приговором для главы Абвера.

Как всегда, простая в теории вещь на практике превращалась в практически неразрешимую и смертельно опасную задачу. Но ему и созданной им машине РСХА удалось справиться со всеми практическими трудностями. Захваченные подлинные документы из различных советских ведомств были дополнены подделками, неотличимыми от оригиналов, разбавлены всевозможными разведывательными и аналитическими данными и скомпонованы определенным образом – ребята Шелленберга и Мюллера проделали колоссальную работу. При этом был творчески использован соответствующий опыт, полученный в далекие тридцатые, когда он (тогда еще глава СД³) аналогичным образом создал для советской разведки «дело Тухачевского». Сыграло ли то давнишнее дело какую-то роль в судьбе «красного Наполеона» или все было решено советскими вождями заранее и все старания СД были лишь ударом по крышке гроба? Кто знает, но прецедент был и соответствующий опыт остался. И этот опыт по созданию полностью фальшивого дела на основе полностью реальных документов весьма пригодился теперь, хотя на этот раз действовать пришлось тоньше. Вся прелесть «дела Канариса» заключалась в том, что все доказательства его «предательства» были косвенными и как бы из третьих рук, но в сумме формировали абсолютно однозначную и неоспоримую картину: глава армейской разведки поставлял информацию англичанам, а те, в свою очередь, кое-чем делились с СССР.

Конечно, риск был. Несмотря на всю красоту замысла, несмотря на филигранную точность исполнения. Риск в таких делах есть всегда! И немалый. Тем важнее было подать собранные материалы на суд фюрера в выгодном свете. И вот тут уж он – Рейнхард Тристан – не мог положиться ни на кого – такое надо делать лично.

Момент для нанесения *coup de grace*⁴ был выбран великолепно – фюрер буквально бесился от того неопределенного состояния, в котором оказалась Германия, и готов был сорвать свое раздражение на ком угодно. А если еще и удастся свалить на кого-то ответственность за неудачи...

Размышления Гейдриха были прерваны хриплым от волнения голосом Гитлера:

– Рейнхард, у вас уже есть план мероприятий по пресечению деятельности вражеской агентурной сети, возглавляемой Канарисом?

³ СД – партийная спецслужба НСДАП.

⁴ Удар милосердия, последний удар для добивания поверженного противника (*фр.*).

– Да, мой фюрер. Но для этого потребуется временное подчинение Абвера аппарату РСХА. К сожалению, использовать Канариса для поставок противнику дезинформации не удастся – мы просто не сможем создать двойной поток информации для лица с таким уровнем допуска. Придется просто ликвидировать всю созданную им вражескую шпионскую сеть.

– Действуйте, Рейнхард. Действуйте немедленно! Я подпишу все необходимые приказы, как только они будут готовы, но действовать нужно уже сейчас. Не останавливайтесь ни перед чем – эта язва должна быть выжжена каленым железом! – Последние слова Гитлер почти выкрикнул в лицо невозмутимо стоящему Гейдриху. Рейнхард Тристан лишь молча склонил голову, тщательно пряча торжествующую улыбку – дело сделано.

* * *

Важные дела в связи с продолжением войны возникали не только у сильных мира сего, Гансу тоже кое-что перепало.

Несмотря на пасмурную погоду, настроение у Нойнера в первый день зимы было бодрым. Ну а почему бы и нет, в самом-то деле? После осенних боев в донских степях «Тотенкопф» наконец-то вывели с передовой и перевели в резерв. Так что теперь части дивизии располагались в районе Старого Оскола, в нескольких десятках километров от линии фронта. Солдаты и офицеры получили долгожданную возможность отдохнуть, отоспаться, избавиться от вшей, отогреться в тепле и отмыться от многодневной грязи.

Оперативной паузой, возникшей после боев под Воронежем, командование дивизии воспользовалось для реформирования частей и приведения их в относительный порядок. В частности, боевая группа Бестманна вновь стала разведбатом. Остатки двух батальонов (мотоциклетного и разведывательного) свели в один, который теперь состоял из шести рот: 1-й бронеразведывательной (в которой было только три взвода бронемашин вместо четырех), 5-й минометной (в которой собрали все восьмисантиметровые минометы, как свои, так и трофейные), 6-й роты тяжелого оружия (где собрались три оставшиеся «колотушки», три легких пехотных орудия и четыре трофейные дивизионные пушки – Бестманн все же добился осуществления своей давней задумки). Всю пехоту собрали в трех мотоциклетных ротах, по которым распределили и оставшихся саперов. Огневая мощь у нового батальона получилась впечатляющей – впору потягаться с полком, а вот стрелковые роты довести до полного состава так и не удалось.

Впрочем, такое положение было везде – в пехотных полках «Тотенкопф» батальоны вообще переводились на трехротный состав, а мотоциклетные и саперные роты полков расформировывались, чтобы пополнить обескровленные пехотные подразделения. В армейских частях положение было еще хуже, так как в отличие от «толстых» дивизий ваффен СС у армейцев были куда более скудные внутренние резервы, а изредка прибывающие маршевые батальоны никак не могли покрыть убыль линейных подразделений.

Во время отдыха и вынужденного реформирования всем солдатам и офицерам дивизии наконец-то выдали новое зимнее обмундирование непривычного цементно-серого цвета: теплые штаны и куртки-анораки с капюшонами, а также утепленную зимнюю обувь. Теплое белье и носки выдали еще раньше. Так что теперь эсэсовцы с превосходством поглядывали на своих коллег из вермахта, кутающихся в тоненькие, неудобные шинели, а то и вовсе в разнокалиберные шмотки, конфискованные по случаю у пленных и мирных жителей – отдел вещевого снабжения сухопутных войск оказался явно не на высоте.

Снабжение в последнее время вообще стало большим вопросом. Более-менее регулярно покрывались только минимальные потребности в боеприпасах. Запчастей и продовольствия хронически не хватало. Тем не менее, несмотря на потери и хозяйственные трудности, моральный дух войск был высок. Солдат вдохновляли недавно одержанные победы и ожидание ско-

рого мира – враг разбит, столица взята, скоро домой! На этом фоне тяготы фронтовых будней считались временными неудобствами, которые можно и перетерпеть. Тем более что со стабилизацией линии фронта появилась возможность обосноваться в прифронтовых населенных пунктах и как-то наладить армейский быт.

Словом, на душе у Ганса было спокойно. Поэтому вызов в штаб батальона он воспринял вполне нейтрально, не ожидая никаких неприятных неожиданностей. Натянув куртку и накинув на голову капюшон, оберштурмфюрер Нойнер покинул дом, в котором обосновался, и, перейдя через заснеженную улицу, направился к единственному административному зданию, расположенному в центре поселка, где вместе со штабом батальона и связистами окопался Бестманн.

Над входом в здание лениво колыхалось красное знамя со свастикой, символизируя собой приход новой власти. Другим колоритным символом нового порядка была статуя Ленина, стоящая на постаменте перед входом в бывший поселковый совет. Немцы не стали разрушать памятник, зато дополнили скульптурную композицию противогазной маской, которую натянули на голову вождю мирового пролетариата, и старым жестяным фонарем, повешенным на вытянутую вперед руку, видимо для лучшего освещения дороги в светлое будущее. При виде этой гротескной фигуры Ганс шутливо вскинул руку в приветствии и весело ухмыльнулся, когда Ленин в ответ дружелюбно махнул «хоботом» противогаза и качнул фонарем под налетевшим порывом ветра. Солдатская шалость немного подняла и без того неплохое настроение, и Нойнер, поприветствовав часовых и дежурного, резво взбежал по лестнице на второй этаж и ввалился в занятый комбатом кабинет.

– Привет, Вальтер. Чем порадуешь?

– Поручение для тебя есть – радуйся.

– Уже! А что за поручение-то?

– Поедешь в Харьков со сводной командой, заберете нашу технику из ремонта и пригоните сюда своим ходом.

– О как! Да уж, порадовал! Жаль, конечно, что в Харьков, а не в Мюнхен, ну да ладно. А за что мне такой подарок? До дня рождения вроде еще далеко...

– А ты пошевели мозгами, остряк, может, и сам догадаешься?

– Да что тут гадать? Просто моя рота единственная на весь батальон, в которой все еще есть ДВА офицера.

– Вот-вот. Все ты понимаешь, разгильдяй везучий.

– Но-но-но! Это все результат моего умелого командования и выдающихся лидерских способностей!

– Да иди ты, стратег недоделанный! – Вальтер беззлобно отмахнулся от весело скалящегося Ганса и спокойно закончил: – Оставишь свою роту на Ланга – пусть попрактикуется, пока все тихо. Возьмешь одного шарфюрера⁵ и дюжину солдат – поедете на «Блице»⁶ снабженцев. В Харькове заберете с ремзавода группы армий двух «шнауцеров»⁷, три броневика, «ковшик»⁸ и девять мотоциклов. Заодно и запчастей кое-каких захватите и еще там по мелочи... Вот предписание. Три дня тебе на все, смотри не загуляй! Verstehen?⁹

– Jawohl! Я буду осторожен и бдителен как никогда!

⁵ Шарфюрер – звание в СС, соответствующее званию сержанта в Советской армии, в немецкой армии соответствует званию унтерфельдфебеля.

⁶ «Блиц» – и Opel «Blitz» – основной грузовик германской армии.

⁷ «Шнауцер» – легкий грузовик фирмы Kipper, получивший свое прозвище за своеобразную форму капота. Использовался в вермахте и ваффен СС в качестве штатного тягача для легких артсистем.

⁸ «Ковшек» – имеется в виду легковой автомобиль фирмы Volkswagen – немецкий аналог американского «Виллиса». Свое прозвище получил за форму кузова. Также именовался «кюбельвагеном».

⁹ Понятно? (нем.).

– Иди уже.

– Погоди. Что там за ремзавод в Харькове объявился, а?

– Русский тракторный. Они его вывезти практически не успели – так, по мелочи кой-чего. Танковый увезли, хоть и не весь, а этот не успели. Ну, вот наши ремонтники там и обосновались. С других заводов еще оборудования подвезли, где что осталось. Ну и свое приволокли, конечно. Местных рабочих тоже запрягли – вот тебе и завод готовый, и от фронта недалеко.

– Да какой с него толк, с завода этого? Оборудование-то у них наверняка убогое, да и рабочие... – Ганс всем своим видом изобразил скептицизм.

– Дурак. – Бестманн сунул какую-то бумажку в ящик стола и спокойно продолжил: – Оборудование там новехонькое, потому что заводу этому еще и десяти лет нет. А строил его Форд, так что можешь считать этот завод не русским, а американским.

– Scheisse! И много у русских еще таких заводов?

– Хватает. Откуда, по-твоему, все эти кучи танков и прочей техники, что мы перебили по пути сюда? Не в колхозах же их наделали.

– Donnerwetter, не нравится мне это. Я-то думал, что у «иванов» остались одни броне-тракторы, помнишь? А ты говоришь, что танковый завод эвакуировали – значит, скоро у них снова появятся танки!

Бестманн хмыкнул.

– Не переживай. Все не вывезли. Так что наделать оружия больше, чем было, русским вряд ли удастся. В Харькове расспросишь подробней – там был один из крупнейших промышленных районов советов. Все, вали отсюда, без тебя забот хватает.

Вот так оберштурмфюрер Нойнер и очутился в кабине грузовика, пробирающегося по разбитой дороге к первой столице Советской Украины.

Мотор уютно урчал, машину качало на ухабах, как пароход в пятибалльный шторм, солдаты и шарфюрер Реш из бронеразведывательной роты сидели в кузове, водитель из дивизионной колонны снабжения спокойно крутил баранку. Ганс дремал, надвинув на глаза кепи, которое носил вместо фуражки, с тех пор как получил зимнее обмундирование. Вокруг растянулся монотонный пейзаж заснеженной степи, пересекаемый редкими лесополосами... Из сонной расслабленности Ганса вырвал голос шофера:

– Подъезжаем к Харькову, оберштурмфюрер. Вон и пост уже.

Ганс сдвинул на затылок кепи и бегло осмотрелся. Ага, ведущее от Чугуева шоссе здесь пересекало железнодорожное полотно. Железка пока еще не действовала, а будку железнодорожного переезда облюбовали фельджандармы, устроившие здесь натуральный укрепленный блокпост с баррикадой из мешков с землей или щебнем и русских противотанковых ежей, легким проволочным ограждением, небольшим прожектором и блиндированными огневыми точками. Один из постовых в советском караульном тулупе, с надетым поверх него жандармским горжетом, повелительно махнул рукой, указывая остановиться.

Когда «Опель» послушно тормознул по соседству с баррикадой, жандарм спокойно приблизился к грузовику, не убирая тем не менее руки с рукоятки повешенного на плечо МП, ствол которого постоянно был направлен на дверцу кабины. На машину также был нацелен ствол МГ-34 на универсальном станке-треноге, расположенного за укреплением. Еще несколько фельджандармов с карабинами также были готовы поучаствовать в любой заварушке. Сурово!

Ганс, оценив приготовления «цепных псов», одобрительно кивнул своим мыслям и протянул подошедшему автоматчику с нашивками фельдфебеля выданное Бестманном предписание через опущенное окно. Тот, бегло изучив документ, вернул ему бумагу и несколько извиняющимся тоном проговорил:

– Все в порядке, герр оберштурмфюрер, но придется немного подождать – полчаса, не больше.

- Я не «герр». Просто «оберштурмфюрер» – у нас так принято. А из-за чего задержка?
- Колонна должна вскоре пройти, а шоссе узкое – чистить не успевают.
- Понял, камрад. Ладно, мы подождем.

Закрыв окно и повернувшись к водителю, Ганс бросил:

- Отгони машину на обочину, но мотор не глуши, а то замахаемся потом заводить.

Едва «Опель» послушно замер, приткнувшись сбоку к импровизированному защитному валу блокпоста, как Нойнер бодро выпрыгнул из машины и, грохнув пару раз кулаком по железному борту грузовика, проорал:

- Стоянка полчаса – всем выгрузиться и размяться!

После чего ловко взобрался на баррикаду и с интересом осмотрелся вокруг. «Тааак, заснеженные поля с торчащим пожелтевшим бурьяном, темная лента шоссе, небольшой лесок в отдалении, железнодорожная насыпь... А это еще что такое? – Ганс вскинул к глазам бинокль и быстро навел резкость. – Похоже на бронепоезд, только странный какой-то. И, что характерно, подозрительно знакомые очертания местами просматриваются». Спрыгнув с заграждения, Ганс подозвал к себе жандармского фельдфебеля и, небрежно махнув в сторону замеченного им странного объекта, поинтересовался:

- А что это за развалина там, на путях?
- Так бронепоезд русский. Разбитый.

Нойнер покачал головой и ухмыльнулся:

– Ага, бронепоезд, как же. Внукам своим на старости лет сказки такие рассказывать будешь. – Ганс, не оборачиваясь, ткнул рукой в сторону предмета обсуждения. – Вон та здоровенная зеленая штука, что валяется под насыпью, – это русский пятибашенный танк! Я на такие насмотрелся, когда мы «иванов» под Дубно давили.

– Ваша правда, герр... э-э-э, то есть просто оберштурмфюрер. Танк и есть. Только он не сам сюда приехал, его как раз на поезде привезли. Вот бронепоезд и получился.

– О как! – Ганс озадачился и даже в порыве задумчивости почесал затылок, сдвинув на лоб кепи. – И давно это было?

– Давно. Еще когда наши в Харьков входили. Вот тогда «иваны» эту зверюгу из города и выкатили. И прямо на мадьяр – они как раз город обходили...

- Откуда знаешь?

– Да мы как раз тут пост организовывали, когда к этому поезду трофейная команда приехала. Из мадьяр этих самых. А у них один по-немецки хорошо говорил, вот и рассказал, как дело было.

- Понятно.

Нойнер поправил висящий на плече МП, накинуд на голову капюшон и сунул руки в тонких перчатках в карманы, чтоб не мерзли. После чего повернулся к своей команде, затеявшей какую-то возню возле тихо урчащего «Опеля»:

– Эй, Отто, остаешься за старшего. Я пройду немного вдоль железки. Никому не забредаться – скоро поедем дальше.

Реш вскинул руку:

- Все будет в порядке, оберштурмфюрер.

Кивнув в ответ, Ганс забрался на железнодорожную насыпь, где снега было поменьше, и бодро направился к заинтересовавшим его обломкам импровизированного бронепоезда – с таким ему сталкиваться еще не приходилось, а знания о противнике никогда не бывают лишними.

* * *

На этот раз противник и впрямь попался интересный.

Бывший бронепоезд состоял из блиндированного паровоза и двух боевых площадок. Сзади, за тендером, был прицеплен пулеметный вагон, сделанный из полувагона с двойными бортами, между которыми был насыпан щебень. Но главным элементом этого состава был поставленный перед паровозом здоровенный восьмиосный железнодорожный транспортер, на котором был водружен пятибашенный танк.

Так поезд выглядел раньше. Теперь же Ганс наблюдал настоящую мешанину из развороченного железа, присыпанную углем и щебенкой. Паровоз был раскурочен прямым попаданием бомбы, платформа сброшена с насыпи, стоявший на ней танк опрокинут (часть башен при этом отвалились и теперь валялись отдельно от корпуса). Относительно целым остался только пулеметный вагон, хотя и ему тоже досталось.

Осмотрев обломки внимательней, Ганс более-менее точно восстановил картину давнего боя: выехавший из города бронепоезд обстрелял мадьяр на шоссе сперва во фланг, а затем и продольным огнем. И, видимо, неслабо их прижал – местность ровная, укрыться особо негде, а танковые башни так просто не заткнешь. Венгры пытались отбиваться, судя по отметинам на броне, скорее всего, из противотанковых ружей («Солотурн» или как там их колупалки называются?), но у них ничего не вышло. А потом подоспела авиация... Судя по количеству воронок, здесь поработала целая эскадрилья «штурк» – повезло мадярам. Мнда.

Обойдя обломки еще раз, Нойнер наткнулся на могилу, которую отмечал аккуратный березовый крест. Выполненная на немецком надпись на приколоченной к кресту дощечке, гласила: гауптманн¹⁰ Макс Александр Хальсен 1914–1941. Прочитав написанное, Ганс аккуратно стащил с головы капюшон и снял кепи, отдавая последние почести погибшему соратнику. Задумчиво комкая в руках головной убор, он размышлял о превратностях судьбы, приведших к гибели соотечественника в бою между русскими и мадярами за тысячу километров от границ Германии. Кем был этот погибший гауптманн и как очутился здесь во время боя? Может, он был офицером связи или наводчиком люфтваффе, прикомандированным к союзным венграм? А может, командовал какой-то приданной мадярам немецкой частью? Кто знает, да и какая теперь разница?

Продолжая обдумывать вероятные пути, приведшие злополучного гауптманна к его последнему пристанищу, Ганс нацепил на голову кепи и отправился в обратный путь. К поезду он прибыл почти одновременно с двигавшейся из Харькова колонной бензовозов. Терпеливо дождавшись, когда командир фельджандармов закончит проверку документов и даст колонне отмашку на продолжение движения, Ганс надел на давешнего фельдфебеля.

– Интересная история с этим бронепоездом получается. Не расскажешь, что там мадяры наводили?

– Да что рассказывать? Мадьяры из подвижного корпуса город обходили как раз. А тут прямо из города выезжает это страшилище и давай по ним гвоздить. Союзникам кисло пришлось – не смогли они этот танк ничем проковырять, хотя паровоз и повредили... Ну вот, а потом «штуки» прилетели и превратили этот поезд в металлолом. Вот и весь бой, собственно.

– Это я и сам понял. Там, рядом с обломками, могила есть. Гауптманн Хальсен – из наших. Как он-то тут очутился а?

– А, это. – Лицо фельдфебеля стало задумчивым. – Это не из наших. Ну, то есть он немец, конечно, но не из вермахта. В общем, это он этим поездом командовал.

– Это как? – Ганс таким внезапным поворотом был озадачен. Мягко говоря.

– Ну, он из Красной армии. Наверное, командовал этим танком. А когда танк поломался, придумал поставить его на платформу и сделать бронепоезд. Я сам из Гамбурга, до войны на заводе работал. «Блом унд Фосс», слышали?

– Угу.

¹⁰ Гауптманн – звание в вермахте, соответствует капитану в Советской армии.

– Ну вот. У нас там тоже такие транспортеры были – специальные, для крупных деталей. Видать, и этот гауптманн здесь в Харькове такой раздобыл и такое вот дело соорудил, чтобы, значит, танк свой не бросать.

– Вот, значит, как...

– Ну да. Когда танк перевернулся, он из него сам вылезти сумел, но почти сразу помер, рядом с танком своим. Видать, сильно его переломало. Мы его там же и похоронили. – Тут фельдфебель замолчал и, внимательно взглянув на задумавшегося оберштурмфюрера, на всякий случай уточнил:

– Лейтенант наш приказал. Сказал, что такого врага надо уважать.

– А имя как узнали?

– Так у него медальон на шее был, черный такой, с запиской. А в записке надпись на двух языках. Что там по-русски – не знаю, а по-немецки как раз то, что сейчас на кресте написано. Наверное, и на русском то же самое было.

– Наверное. – Ганс задумчиво погладил подбородок, проводил взглядом последнюю машину проезжающей мимо колонны и, наконец, изрек:

– Знаешь, камрад, я за последние три года почти всю Европу изъездил и повстречал немало фольксдойче. Я с ними разговаривал, сидел с ними за одним столом, ночевал в их домах и гулял на их праздниках. И всегда считал, что наш фюрер был прав, когда говорил, что все немцы должны жить в одном государстве. Но только сейчас я понял: НАСКОЛЬКО наш фюрер был прав. Этот гауптманн... он не должен был погибнуть за чужое государство, враждебное Германии, сражаясь против своих соплеменников. Так не должно быть! И мы должны сделать так, чтобы такое больше не повторилось. Немцы, все немцы, должны обрести свою родину, чтобы им никогда не пришлось сражаться за чужую.

Произнеся эту тираду, Нойнер вздохнул, обернулся к своей команде, увлеченно перебрасывающейся снежками, и как ни в чем не бывало рявкнул:

– Хорош дурью маяться! По местам! – Уже вскакивая в кабину «Блица», махнул на прощание рукой жандармскому фельдфебелю. – Бывай, камрад!

Вскоре железнодорожный переезд, обломки бронепоезда и могила поволжского немца, отдавшего жизнь за Советский Союз, остались позади громяющего на ухабах «Опея». Впереди был Харьков, а вместе с ним кое-какие нехитрые солдатские развлечения и много рутинной работы, которую никто не отменял.

* * *

Пока Ганс удалялся от войны с ее тревогами и опасностями, Роман, наоборот, приближался к ней, хотя и достаточно извилистым маршрутом.

После выписки из госпиталя Марченко, к его несказанному удивлению, направили не на фронт, а в глубокий тыл – на средний Урал. Там, в маленьком провинциальном городке Камышилов Свердловской области, как раз формировалась новая стрелковая бригада, и Рома оказался среди тех, кто был в нее зачислен.

Прибыв на место, Марченко влился в ряды нового соединения и по своей привычке немедленно начал приглядываться к складывающейся обстановке, попутно стараясь по мере сил улучшить свое собственное положение. С обстановкой дела обстояли так себе, зато в деле повышения собственного статуса Роману неожиданно легко удалось добиться некоторых результатов. Впрочем, обо всем по порядку.

Буквально в первый день по прибытии Марченко, к некоторому своему разочарованию, выяснил, что 26-я стрелковая бригада, в которой ему отныне предстояло воевать, состояла в основном из необученных новобранцев, никогда ранее не служивших в армии. Таких, как он, уже успевших послужить и повоевать, было, что называется, раз, два и обчелся. Рома,

обнаружив этот прискорбный факт, пригорюнился – как ведут себя в бою новобранцы, он уже успел насмотреться. Однако лично для него в сложившемся положении вскоре нашлись и положительные стороны.

Первой из них стало повышение. Комбат, в подчинение которого попал Марченко, увидав нашивку за тяжелое ранение и узнав про опыт боев на Киевском направлении, тут же определил Романа в первую роту на должность командира отделения, а затем еще и пробил ему повышение в звании до младшего сержанта. Так что через неделю после прибытия Марченко уже щеголял в новых петлицах с одинокими треугольниками.

Вторым положительным моментом стали хорошие отношения, которые Рома смог установить с ротным старшиной, Иваном Дмитриевичем Филатовым. Причем тут тоже сыграл свою положительную роль боевой опыт Марченко. Старшина – крепкий мужик, хорошо за сорок, успевший в начале своей службы зацепить еще царскую армию и Импералистическую войну, а затем прошедший через всю Гражданскую, сразу углядел в Ромке родственную душу, чем значительно облегчил ему вступление в новую должность.

Благодаря расположению старшины Марченко, единственный во всем взводе, обзавелся вполне приличными кожаными сапогами, а не паршивенькими башимаками с обмотками, как все остальные солдаты. Свои старые сапоги он, не без помощи добрых людей, благополучно посеял в госпитале, так что в бригаду прибыл в том, что смог выдрать у больничного завхоза. Однако дружба с Филатовым помогла исправить положение. Старшина свел его со старшим сержантом Григорием Иценко – толстым, усадым дядькой с колоритной внешностью бывшего запорожца (на нем даже форменные галифе смотрелись как казачьи шаровары) и характерным украинским говором, который состоял при складе вещевого довольствия. В результате последовавшей после знакомства самозабвенной получасовой торговли Роману удалось на приемлемых условиях сменить свои башмаки на сапоги. По случаю новоиспеченный младший сержант разжился и еще кое-какими полезными в хозяйстве вещами, после чего высокие договаривающиеся стороны мирно расстались, вполне довольные собой, а Марченко к тому же сумел еще немного вырасти в глазах старшины Филова, поскольку «сторговаться с Грыцьком Иценко – это тебе не до ветру сходить, не каждый сможет!».

Происшествие с обувью вообще оказалось знаковым в Ромкиной службе. Быстро сориентировавшись в новой обстановке, Марченко активно принялся улучшить свое снаряжение. При этом он сумел удивить своего нового товарища. Когда Филатов услышал просьбу помочь раздобыть самозарядку, то поначалу даже растерялся:

– Ты чего, Роман? Вроде ж бывалый уже, а туда же! Это ж не винтовка, а сплошная головная боль.

– Это ты мне говоришь? Я со «светкой» полгода отслужил да два месяца отвоевал, и все это время то в земле копался, то палил из нее, как из пулемета. Троих немцев из нее достал. И ни разу у меня с ней проблем не было. А ты говоришь!

– Да иди ты! Сколько с ней народу ни мучалось, все одно и то же твердят – заедает она чуть что. Только и есть в ней хорошего, что штык. Нож – это тебе не колуналка граненая – в хозяйстве солдатском штука полезная. Да только воюют-то все большие не ножами...

– Нож, он тоже пригодится. Но и винтовка хороша. А чтоб не заедала, чистить ее надо почаще и смазывать, хоть иногда. Да не бросать на землю как попало. Вот так-то.

Старшина задумчиво хмыкнул, поправил за чем-то фуражку и махнул рукой:

– Ну, смотри, дело твое. Парень ты вроде башиковитый, так что сам разберешься. Вообще, самозарядки у нас есть. Они, кстати, командирам отделений по штату положены, но от них все откращиваются, как черт от ладана. Так что, думаю, сменяем мы твою «драгунку»¹¹ на СВТ без особых проблем. – Ромка довольно кивнул – как показала практика, стар-

¹¹ СВТ-40 комплектовалась штык-ножом, а трехлинейная винтовка граненым игольчатым штыком.

шина слов на ветер бросать не любил, так что вопрос с новой винтовкой можно было считать решенным.

* * *

В общем, к началу ноября Марченко всеми правдами и неправдами сумел экипироваться не хуже, чем перед попаданием в госпиталь, то есть по стандартам еще кадровой армии. Так что теперь в строю своего отделения Роман выглядел как орел в стае ворон. Правда, издали разница уже не так бросалась в глаза, что несколько успокаивало – привлекать к себе внимание противника на поле боя своим излишне бравым видом Марченко не хотелось. На всякий случай Рома мысленно поставил себе зарубку на будущее: когда дело дойдет до отправки на фронт, надо будет дополнительно поработать над своей формой. А пока пускай будет так – пусть видят начальство и подчиненные, что он настоящий кадровый боец, а не какой-то там призывник.

Кстати, призывниками Марченко занялся всерьез, честно пытаясь сделать свое отделение хоть сколько-то боеспособным с использованием тех скудных средств, что находились в его распоряжении. Насмотревшись на случаи растерянности и паники за время летних боев, Рома сделал для себя один непреложный вывод: новобранцы, попав в серьезную передрягу, могут уцелеть только божьим попустительством или если рядом окажется кто-то поопытней, который сможет присмотреть за олухами. Поэтому перво-наперво Рома постарался накрепко вдолбить в головы своих бойцов нехитрую мысль: что бы где ни случилось – делай, как Я СКАЗАЛ! Причем делать надо быстро. Сказали: «ложись!», значит – ложись прямо там, где стоишь, вопросы потом задашь, если жив будешь. А если сказано: «вперед!», значит, надо вперед, даже если очень хочется залечь.

Вроде бы и не ахти какая мудрость, но Ромке понадобилась целая неделя, чтобы вбить ее в своих подчиненных – почти сплошь уже взрослых, основательных дядек-колхозников лет за тридцать. Зато уж усвоили они это крепко. Ну, а помимо этого, младший сержант, со свойственной ему старательностью и обстоятельностью, обучал своих бойцов многочисленным вещам, вроде бы и не имеющим на первый взгляд прямого отношения к войне, но на деле намного повышающим шансы выжить в первых, самых страшных боях или просто облегчающим жизнь в нелегких фронтовых условиях.

Основной упор делался на окапывание и передвижение по-пластунски, что по идее должно было снизить потери от вражеского огня. Увы, но большее было не в компетенции командира отделения. Стрелковая и тактическая подготовка находились в ведении куда более высоких чинов, и, с точки зрения Марченко, которому было с чем сравнить, организованы они были далеко не самым лучшим образом. Возможно, правда, что тут был виноват недостаток патронов и прочих боеприпасов. Но тут уж, как говорится, что есть, то есть.

Еще Роман прививал подчиненным привычку тщательно следить за своим оружием и снаряжением, устраивая с этой целью ежедневные вечерние проверки перед отбоем. Тех, у кого винтовка или амуниция были не в порядке, заставлял чистить вверенное имущество в личное время. Дядьки ворчали, но деваться им было некуда – против армейской дисциплины и требований устава не попрешь. Тем более что Марченко сумел найти для них не только кнут, но и пряник.

В этом ему опять помогли налаженные отношения со старшиной и старшим сержантом Ивченко. Проще говоря, Роман, используя личные связи, сумел экипировать свое подразделение несколько более качественно, чем в среднем по бригаде. А в повседневной армейской жизни то, насколько сильно у тебя разбиты башмаки или протерты портянки, все-таки имеет определенное значение. И дядьки, не избалованные заботой начальства ни в мирной жизни, ни после призыва, оценили такое отношение.

К тому же Рома не брезговал исполнять некоторые функции политрука, помогая, например, некоторым, не шибко грамотным бойцам своего отделения в написании писем родным, а также не ленился доходчиво и с примерами объяснять непонятные моменты всевозможных инструкций, уставов и наставлений, написанных казенным языком да еще и с использованием специальных терминов.

Словом, дела потихоньку двигались: быт наладился, учеба шла своим чередом, война, бушевавшая на Дону и Валдае и казавшаяся с Урала чем-то далеким, тоже как-то притихла. По крайней мере, ежедневно передаваемые по радио сводки Совинформбюро перестали пестрить упоминаниями новых направлений и, как и линия фронта, приобрели некоторую стабильность. Но стабильности хватило ненадолго.

В начале декабря в бригаду пришел приказ, которого все ждали, – частям выдвигаться на станцию и грузиться в эшелоны. В Ромкиной жизни начинался новый этап.

Глава 2

Старые и новые враги

К декабрю 41-го года в мире повсеместно сложилось шаткое равновесие: Восточный фронт замер в мертвой неподвижности, на линии «Марет» в Африке также царило затишье. Япония и США погрязли в переговорах по поводу статуса Индокитая. Германские подводные лодки с переменным успехом сражались с британскими конвоями в Атлантике. Самолеты бомбардировочного командования Королевских ВВС под прикрытием истребителей систематически бомбили военные объекты на территории Франции, стойчески выдерживая аккуратные, тщательно выверенные атаки истребителей немецкого третьего воздушного флота, а в последнее время еще и яростные наскоки французских перехватчиков. Ночами британские бомбардировщики эпизодически появлялись и в небе Германии, но результат от этих налетов был скорее психологическим.

Немецкие войска на Восточном фронте, выполнив задачи летней кампании, занимались вялой перегруппировкой и попытками наладить бесперебойное снабжение, а также ремонт вышедшей из строя техники. Для последней цели активно использовались не успевшие эвакуироваться промышленные мощности Харькова, Москвы и Ленинграда. Вдобавок ко всему ОКХ, считая все задачи на востоке выполненными, затеяло масштабную кадровую перестановку. Фельдмаршал Рундштедт был назначен командующим группы армий «Запад», а расположившийся в Харькове штаб группы армий «Юг» возглавил фельдмаршал Рейхенау, передавший свою знаменитую шестую полевую армию генерал-полковнику Эвальду фон Клейсту, получившему таким образом формальное повышение (с танковой группы на полноценную армию). Первую армию во Франции вновь возглавил фельдмаршал Вицлебен. Советские войска, в свою очередь, активно приводили себя в порядок после серии летне-осенних поражений. Мир замер в предчувствии новых потрясений. И эти ожидания оказались ненапрясными.

Status quo¹² нарушили японцы, поставленные американским нефтяным эмбарго перед дилеммой: оставить все свои завоевания в Китае и Индокитае и фактически «потерять лицо» или начать полномасштабную войну с США. Японцы выбрали второе.

Авианосное соединение Нагумо, совершив рейд «во вчерашний день»¹³, обрушило удар на Перл-Харбор – главную базу Тихоокеанского флота США, продемонстрировав всему миру, как отныне будет выглядеть война на море. Несколько сотен палубных самолетов, разделенных на две атакующие волны, за пару часов отправили на дно пять американских линкоров и ряд более мелких кораблей, попутно уничтожив прямо на аэродромах почти всю имевшуюся на Гавайях базовую авиацию США.

Планируя этот рейд, командующий японским флотом, адмирал Ямамото рассчитывал на успех, который позволит ВМС Страны восходящего солнца захватить инициативу, добиться перевеса над своими противниками и обеспечить стремительное наступление десантных частей в районе южных морей. Предполагаемые потери при этом должны были составить примерно треть от корабельного и авиационного состава ударного соединения. Но даже в самых смелых своих мечтах этот адепт авианосной войны не рассчитывал на то, что созданное им авианосное соединение сможет незамеченным пересечь половину Тихого океана, безнаказанно нанести удар по главной базе сильнейшего флота в мире и, по-прежнему не замеченным, вновь растаять в океанских просторах. Невероятное стечение обстоятельств превратило смелую и рискованную операцию в безнаказанный и эффектный разгром. Американский флот и

¹² Существующее положение. (лат.).

¹³ Во время гавайского рейда соединение Нагумо пересекло линию перемены дат.

ВВС продемонстрировали полную беспомощность. Утешительным призом для янки служило то, что в момент японской атаки в гавани Перл-Харбора отсутствовали все три авианосца Тихоокеанского флота. Благодаря этому обстоятельству американцы сохранили корабли, которым предстояло стать ключевыми фигурами в начавшейся войне на Тихом океане.

Однако сохранение авианосцев на первых порах было единственным радостным для американцев событием, других поводов для оптимизма не наблюдалось. Разведка и высшие штабы США роковым образом недооценили военный потенциал Страны восходящего солнца, и теперь Америка, сама спровоцировавшая Японию на войну, сполна расплачивалась за свою самонадеянность. Вслед за первым ошеломляющим успехом в Перл-Харборе победы самураев посыпались сплошной чередой, как из рога изобилия. Японские десантники практически без боя заняли Гуам, американская авиация на Филиппинах была разгромлена за несколько часов, японские сухопутные войска вторглись в Таиланд, который фактически примкнул к Японии, пополнив ряды ее марионеточных союзников.

Соединение Нагумо тоже не сидело сложа руки. После удара по Гавайям авианосное соединение разделилось: вторая дивизия авианосцев и дивизия тяжелых крейсеров под охраной пары эсминцев направились на юго-запад, чтобы поддержать силы вторжения на атолл Уэйк, основные же силы под флагом Нагумо устремились на северо-запад к атоллу Мидуэй.

Оба этих удара, наносимых при отходе, были своеобразной творческой импровизацией Ямамото. Причем если поход двух авианосцев к Уэйку был необязательной (хотя и предусмотренной) частью плана и был вызван прежде всего упорным сопротивлением американского гарнизона, отбившего первую атаку японцев, то удар по Мидуэю являлся обязательной частью гавайской набеговой операции, ее завершающим штрихом. Этот кульминационный аккорд гавайской операции возник в планах Ямамото благодаря поистине титаническим усилиям немецкой военной миссии в Токио и лично военно-морского атташе контр-адмирала Пауля Веннекера, который за проявленные старание и изобретательность был награжден крестом «За военные заслуги». Руководствуясь категорическими инструкциями из Берлина, немецкие представители всеми доступными средствами настойчиво и упорно подталкивали командующего объединенным флотом и весь японский морской штаб к быстрому захвату этого затерянного в океане клочка суши и таки добились своего.

В результате часть десантных сил и транспортных судов, предназначенных изначально для захвата Гуама, была перенацелена на Мидуэй и направлена к атоллу под охраной эсминцев «Сазанами» и «Усио», которые в изначальной версии плана должны были лишь произвести разведку и обстрел острова. Поддержку десанта взяло на себя соединение Нагумо, подошедшее с юго-востока. При этом японцы чуть было не сорвали дополнительный бонус – в районе Мидуэя как раз находился один из отсутствующих в Перл-Харборе авианосцев – «Лексингтон». Но на этот раз встреча не состоялась, так как после атаки на Перл-Харбор «Лексингтон» был отозван от острова и на всех парах отправился на юг. Находившийся на полпути к Уэйку, «Энтерпрайз» также был отозван. В результате противники благополучно разошлись на контркурсах, не заметив друг друга, – судьба продолжала хранить авианосцы США. До поры до времени.

В условиях полного отсутствия противодействия американского флота штурм Мидуэя и Уэйка превратился для японцев в рутину: палубные самолеты надежно прикрыли высадку, а тяжелые орудия линкоров и крейсеров полностью подавили сопротивление немногочисленных гарнизонов морской пехоты. Элитным морским десантникам Страны восходящего солнца осталось только высадиться на берег, занять разрушенные укрепления и взять в плен уцелевших защитников. Америка лишилась своих передовых баз, расположенных западнее Гавайев.

* * *

Однако Гавайская операция и связанные с ней десанты на Гуам, Мидуэй и Уэйк, несмотря на весь свой размах и новизну, по сути, являлись лишь обеспечивающими. Главной целью японского стратегического наступления в начальный период войны была Голландская Индия с ее нефтяными месторождениями. Поэтому острое наступление было направлено в сторону южных морей и Юго-Восточной Азии.

И здесь победы Страны восходящего солнца не заставили себя долго ждать. Азиатский флот США отступил с Филиппин практически без боя, сухопутные и военно-воздушные силы были разгромлены в первых же боестолкновениях. Слабые голландские гарнизоны на богатых нефтью Борнео и Целебесе были сметены волной японского наступления в мгновение ока. Оставшийся глубоко в тылу японских войск Гонконг был захвачен вообще между делом.

Ввиду разгрома Тихоокеанского флота США на Гавайях предвоенная стратегия союзников полностью провалилась в первый же день новой войны. Теперь спешно созданное общесоюзное американо-британо-австралийско-голландское командование возлагало надежды на удержание так называемого «Малайского барьера», который должен был задержать дальнейшее наступление японских войск в сторону Индии и Австралии.

Этот условный рубеж проходил через Малайский полуостров, острова Суматра, Ява, Бали и Тимор, доходя до северного побережья Австралии. Главным опорным пунктом этой плотины на пути японского продвижения являлась крупнейшая британская военная база – Сингапур. Помимо мощного гарнизона, солидных укреплений и значительной авиагруппировки в Сингапуре базировался британский Восточный флот. Ядро этого соединения Королевских ВМС было сформировано по настоянию самого сэра Уинстона Черчилля, не желавшего отдавать тихоокеанские события на откуп американским союзникам.

Дела Британии в Африке, Атлантике и на Средиземном море шли вполне успешно, что позволило отрядить на Дальний Восток ряд тяжелых кораблей. Из флота метрополии были выделены новейший линкор «Принц Уэльский» и авианосец «Илластриес», из гибралтарского «Соединения Н» – линейные крейсера «Риппалс» и «Ринаун», из Средиземноморского флота – авианосец «Формидебл». Кроме того, в состав Восточного флота были включены несколько легких крейсеров и крейсеров ПВО, переведенных туда со средиземноморского театра военных действий. Благо захват ливийских аэродромов и наличие сильной авиабазы на Мальте позволяли достаточно плотно контролировать воздушную обстановку в играющей ключевую роль центральном Средиземноморье, а активность итальянского флота после авиаудара по Таранто пребывала на весьма низком уровне.

Теперь эта собранная в основном личными усилиями премьер-министра Британской империи эскадра, прибывшая в Сингапур менее чем за неделю до начала боевых действий на Тихом океане, стала главной надеждой союзников. Но этой надежде суждено было просуществовать лишь три дня...

Японцы просчитали возможность появления в Сингапуре ударного соединения англичан и приняли соответствующие меры, сосредоточив в южном Индокитае основные силы 11-го воздушного флота базовой морской авиации. Поэтому, когда 9 декабря эскадра адмирала Филипса направилась для атаки японских транспортов, выгружавших войска 25-й армии на севере Малайи у Кота-Бару, Ямамото был спокоен. Уже на следующий день его правота была полностью подтверждена дальнейшим ходом событий.

10 декабря стало поистине черным днем Королевского флота. Крайне неудачный походный ордер, выбранный англичанами, отсутствие авиационного прикрытия (большая часть сосредоточенной в Малайе авиации была уничтожена японцами в первый же день войны прямо на аэродромах) и прекрасная выучка японских летчиков решили исход борьбы за господство в

южных морях в течение нескольких часов. Палубная авиация «Илластриеса» и «Формидебла» не смогла ничего изменить – морально устаревшие бипланы, составлявшие авиагруппы британских авианосцев, были страшными противниками для кораблей (что они с блеском доказали успешными атаками на «Бисмарк», «Ришелье», «Дюнкерк» и итальянские линкоры в Таранто), но они ничего не могли противопоставить новейшим японским самолетам. «Зеро» с легкостью расчистили небо, а торпедоносцы и бомбардировщики с красными кругами на крыльях спокойно и деловито, как на учениях, разделились с британскими кораблями.

Одним махом Англия лишилась трех быстроходных линейных кораблей, двух новейших авианосцев, легкого крейсера «Фиджи», крейсеров ПВО «Каир» и «Калькутта», четырех эсминцев и нескольких тысяч моряков. Таких потерь Royal Navy не видал со времен Ютланда, а столь беспощадного и безнаказанного разгрома британская морская история вообще не знала. Успех достался японцам невероятно дешево – во время атак на эскадру Филиппа было потеряно всего 18 самолетов.

После этого разгрома судьба «Малайского барьера» была решена. Японцы с легкостью уничтожили в Яванском море остатки Азиатского и Восточного флотов и голландской ост-индской эскадры. 16-я японская армия овладела всеми островами Ост-Индии, 25-я армия Ямасы заставила капитулировать сотысячный гарнизон Сингапура, превосходивший ее по численности! 15-я армия, пройдя через Таиланд, стремительно вторглась в Бирму, разметав находившиеся там индийские и пришедшие им на помощь китайские войска. За три месяца зимы 1941/42 года Япония решила свою первую стратегическую задачу – захватить богатые ресурсами европейские колонии в Юго-Восточной Азии и создать условия для продолжения войны.

* * *

Большие планы имели на эту зиму и другие участники войны. В середине декабря, когда впечатляющий размах и безусловный успех начавшегося японского наступления в бассейне Тихого океана стал очевиден, в новой ставке ГКО под Куйбышевом проходило стратегическое совещание с участием высшего военного руководства и представителей основных наркоматов, которое должно было определить ход предстоящей зимней кампании.

– Так, значит, вы, Борис Михайлович, полагаете, что нашим войскам следует перейти в наступление немедленно, не дожидаясь подхода всех новых частей? – Этот вопрос Сталин задал сразу по окончании доклада начальника Генерального штаба, посвященного сложившейся на данный момент военной обстановке.

Доклад действительно был довольно оптимистичен. Обстановка повсеместно стабилизировалась, удалось восстановить единый фронт, наладить более-менее надежную связь с войсками, пополнить разбитые в осенних боях соединения. На фронт также наконец-то стали прибывать новые ударные армии. В то же время противник явно испытывал трудности в снабжении своих поредевших в боях и растянутых на огромном фронте войск. Классическая военная наука безапелляционно утверждала, что сложившаяся ситуация идеальна для перехода в контрнаступление. Об этом же говорил и богатый военный опыт Бориса Михайловича.

И тем не менее Шапошников не торопился с ответом на вполне естественный и ожидаемый вопрос Верховного главнокомандующего – слишком многое зависело сейчас от его ответа. Слишком многое. И цена ошибки будет невероятно, немыслимо велика. Страна советов может просто не перенести еще одного поражения. И потому начальник Генерального штаба размышлял, вертя в руках указку, еще раз (последний!) взвешивая несчетное количество раз обдуманные и рассмотренные факторы.

– Да, товарищ Сталин. Я полагаю, что сейчас сложились наиболее благоприятные условия для этого. Дальнейшее промедление не принесет нам выгоды, так как противник посте-

пенно сможет преодолеть все возникшие перед ним трудности – время в данном случае будет работать против нас. – Вот и все. Решающие слова сказаны, обратной дороги нет.

Сталин, по своему обыкновению неспешно прохаживающийся по залу, заложив руку за отворот кителя, ненадолго остановился и, спокойно кивнув, проговорил:

– Мы доверяем мнению Генштаба. Если вы говорите, что наступление нужно начать как можно скорее, значит, так и следует поступить. Надеюсь, у вас уже подготовлен соответствующий план операции? – Все-таки прорезавшийся акцент выдал тщательно скрываемое волнение вождя, лишний раз подчеркнув важность происходящих событий для судьбы страны и всего мира.

– Конечно, товарищ Сталин. Мы готовы изложить план предстоящего наступления. – С этими словами Шапошников сделал знак своему новому заместителю – Василевскому, стоявшему наготове с кипой аккуратно свернутых карт и расчетов.

– Основные удары предполагается нанести войсками левого крыла Восточного фронта из района Рязани и Егорьевска на Каширу и Тулу и левофланговыми армиями нового Калининского фронта генерала Конева на Калинин. Вспомогательный удар планируется нанести на правом фланге Калининского фронта из района западнее Бологое – Осташков, в направлении Великих Лук.

В означенных районах занимают оборону слабые войска 2-й и 9-й полевых армий противника, которые понесли большие потери в предшествующих боях и сильно растянули свой фронт, отчего оперативная плотность немецких войск здесь одна из самых низких на всем советско-германском фронте. По проверенным данным, противник испытывает большие трудности со снабжением своих войск. В частности, многие немецкие солдаты до сих пор не получили зимнего обмундирования. Также достоверно известно, что немецкое командование резко ограничило нормы расхода боеприпасов из-за невозможности осуществлять их своевременный подвоз.

Наши ударные группировки, напротив, состоят из свежих частей. В районе Рязани развернута 61-я армия. В районе Егорьевска – 1-я гвардейская, сформированная из бывших воздушно-десантных частей. Восточнее и западнее Калинина заканчивают сосредоточение 53-я и 2-я ударная армии. У Осташкова и севернее сосредотачиваются 3-я и 4-я ударные армии. Все предназначенные для наступления войска полностью обеспечены зимней экипировкой, включая обмундирование, теплую обувь, лыжи и средства маскировки. Также предназначенные для наступления войска обеспечены боеприпасами из расчета два боекомплекта на каждую гаубицу, два с половиной боекомплекта на дивизионные и полковые пушки, три боекомплекта на миномет. Зенитные орудия имеют от одного до полутора боекомплектов, в зависимости от калибра. Танки обеспечены в среднем полутора боекомплектами.

Хотя после потери московского железнодорожного узла наши транспортные возможности существенно сократились, мы тем не менее по-прежнему обладаем преимуществом в области подвоза над нашим противником, который из-за разницы в ширине колеи пока не может пользоваться железнодорожным транспортом на территории СССР даже в ограниченном объеме.

Сталин, задумчиво слушавший доклад, внезапно вклинился с вопросом:

– Что еще можно сделать для успеха этого наступления?

Василевский, еще не привыкший к своей новой должности, несколько стушевался, зато Шапошников, ни на миг не сбившись, четко ответил:

– Войскам не хватает техники, товарищ Сталин. Особенно танков.

Вождь согласно кивнул – такого ответа он ожидал.

– Ставке известно про нехватку танков на фронте. К сожалению, быстро исправить ситуацию – невозможно. Но Наркомат танковой промышленности под управлением товарища Малышева делает все возможное. В частности, ГКО принято решение использовать ту часть

оборудования и рабочих тракторного завода имени Орджоникидзе, которую удалось эвакуировать из Харькова, не для развертывания нового тракторного производства на Алтае, а для укрепления разворачиваемого в Нижнем Тагиле танкового завода № 183, также эвакуированного из Харькова. Производство танков набирает обороты в Челябинске, Сталинграде, Горьком. С каждым месяцем их количество будет возрастать – можете смело рассчитывать на это, Борис Михайлович. – Шапошников коротко кивнул, а Сталин, не прерываясь, продолжил свой монолог: – Однако было бы нэверно откладывать наступление в ожидании этих новых танков. Врага нужно бить, пока он слаб!

Шапошников снова кивнул, соглашаясь с озвученным мнением.

– Наступление ударных группировок Восточного и Калининского фронтов может быть начато 18 декабря. В случае успеха возможен переход в общее наступление всех армий этих фронтов. Генштаб также прорабатывает варианты частных наступательных операций и на других участках фронта, но московское направление остается главным.

– Это правильно. Возвращение Москвы должно стать главной целью нашего наступления. Нам нужны победы. И как можно скорее.

* * *

– И куда они вечно торопятся? – Старшина недовольно передернул плечами и полез в карман шинели за кисетом с махоркой.

– А что так? – Марченко было не то чтобы очень интересно, но делать-то все равно нечего, так отчего бы и не поддержать беседу с хорошим человеком?

– А-а-а... – Филатов безнадежно махнул рукой, после чего продолжил скручивать «козью ножку». Лишь завершив это важное дело и выпустив первый клуб ядреного дыма, Митрич продолжил прерванную беседу: – Вот ты сам посуди: если наши бойцы с температурой слягут, то это будет что?

– Вредительство.

– О! А оно нам надо?

– Нет.

– Вот и я лейтенанту нашему говорил, что нет. А он знай себе долдонит, как попугай: приказ по бригаде, выполнять немедленно!

– А ты?

– А что я? Я этих приказов за свою жизнь наслушался... нашему лейтенанту и не снилось. Толку с того, что наша рота одной из первых в вагоны погрузилась, если эшелон потом все равно еще четыре часа на станции простоял? Вот то-то и оно! Ведь говорил же: давай из расположения барахлишко кой-какое прихватим.

Марченко одобрительно покивал и поплотнее закутался в караульный тулуп, служивший ему одновременно и матрасом и одеялом, – разбрасываться барахлом – это последнее дело, тут он был полностью согласен со старшиной, который вошел во вкус и продолжал жаловаться благодарному собеседнику на непутевость начальства:

– Эх, молодежь! Все-то вы спешите, а нет бы остановиться да подумать немного или совета хорошего послушать. Ну, задержались бы мы на часок с погрузкой – все равно бы успели, да еще и с запасом. Зато было бы чем вагоны утеплить, все меньше бойцы бы мерзли. Вот помяни мое слово: пока доедем, половина соплями умоется и кашлять будут, как чахоточные, а то и похуже чего подхватят, типа воспаления легких. Вот и получится, что рота и в бою-то еще не была, а личный состав уже в медсанбате с температурой валяется. И убитых нет, и воевать некому.

– Нехорошо.

– То-то и оно, что нехорошо. А когда я лейтенанту про это сказал, так он только руками отмахивался да глаза круглые делал. И так всегда. Эх, да что с него взять, с агронома недоученного?

Рома пожал плечами, умудрившись при этом еще глубже погрузиться в теплые объятия тулуна:

– Не все сразу, в следующий раз умнее будет.

– Ага, будет. Комбат вон последним загрузился, зато вагон у него самый теплый.

– Ну, вот. И лейтенант наш научится, если жив останется.

– То-то и оно, что если...

– Предчувствия, что ли, нехорошие?

Старшина скорчил кислую мину и ненадолго замолчал, видимо, прислушиваясь к своим ощущениям:

– Да нет вроде. Просто не люблю, когда что-то делают не подумавши. Вот сейчас лейтенант вагоны утеплить не догадался, а в бою он еще про что-нибудь забудет – там одними соплями можем не отделаться.

– В бою на него лучше не полагаться, там самим думать надо – целее будем.

Старшина метнул на Ромку внимательный взгляд из-под кустистых бровей, аккуратно загасил окурок и, коротко кивнув то ли Марченко, то ли своим собственным мыслям, спокойно произнес:

– Дело говоришь. Как до фронта доберемся, будем вместе держаться, глядишь, и придумаем чего путного.

– Добро, Митрич. Да только до фронта еще добратся надо. Как думаешь, удастся по дороге сеном каким-нибудь разжиться или соломой? А то ведь околеют бойцы-то...

Филатов хмыкнул:

– Ну, ты-то точно не застудишься, даже если на Северный полюс попадешь.

– А что такого? Этот тулун, между прочим, за нашей ротой не числится – личное имущество, стало быть.

– Эх, Рома, вот не зря говорят: кому война, а кому – мать родна! Небось, Ищенко, хомяк наш батальонный, горячими слезами обливается каждый раз, как тебя вспоминает. Уж на что он куркуль знатный, а ты и его, кажись, переплюнул.

– Ну, не то чтобы переплюнул... И вообще: боец Красной армии должен проявлять находчивость и смекалку – вот и проявляю! Раз уж лейтенант о нас не сильно заботится, то я уж сам, как умею...

Старшина ехидно хмыкнул:

– Неплохо умеешь, не каждый так сможет.

Марченко тоже усмехнулся:

– Значит, не обделил Бог талантами, глядишь, и доеду до фронта в добром здравии, а там уж как повезет. Куда едем, кстати, не слыхал?

Митрич собрался было по привычке пригладить свою пышную шевелюру на макушке, но, наткнувшись на ушанку, передумал.

– Не слыхал, да из нашего батальона никто и не знает. В штабе бригады разве что. Ясно, что на запад, а куда – черт его знает. Да и не все ли тебе равно?

– Не скажи. Страна у нас большая, места разные бывают, есть такие, что там и без всякой войны сам загнешься. Лучшие уж попривычней чего.

– Тоже верно. Помню, в Гражданскую...

Старшина ненадолго задумался, уйдя в воспоминания, но почти сразу же встряхнулся и подвел черту под дружеским обсуждением:

– Ладно, чего зря гадать? Доедем до Волги, там ясно станет куда.

* * *

Высшему военному и политическому руководству Германии тоже было что обсудить. Несмотря на все достигнутые успехи, вывести Советский Союз из игры до вступления в войну США так и не удалось – перспектива затяжной борьбы на два фронта, которой всеми силами старались избежать, стала суровой реальностью.

Впрочем, поначалу особых проблем не возникло. Соединенные Штаты, еще с 1940 года помогавшие Великобритании столь рьяно, что впору было говорить о необъявленной американо-германской войне, оказались тем не менее абсолютно не подготовленными к открытию активных боевых действий. В Атлантике с абсолютной точностью повторилось тихоокеанское побоище. Разве что немцы в отличие от японцев нанесли удар не по военным базам, а по торговым коммуникациям, и не авианосцами и десантными силами, а подводными лодками. Но на результате это сказалось мало – U.S. Navy¹⁴ и тут продемонстрировал абсолютную беспомощность. Оказалось, что провоцировать немецких подводников, прикрывая британские конвои, и наводить английские крейсера на немецкие транспорты, нарушая закон о нейтралитете, – это одно, а вот противостоять «волчьим стаям» Кригс-марине в настоящем бою – совсем другое.

Немецкое морское командование оказалось готово к вступлению Америки в войну. В результате уже в конце декабря у атлантического побережья США появилось несколько океанских субмарин типа IX – первые ласточки спланированной штабом Деница операции «Paukensschlag» – «Удар литавр». А в январе началась по-настоящему массированная атака на судоходство в американских водах. Хотя атакой это действо назвать можно было лишь с большой натяжкой. Немецкие подводники устроили настоящую резню, десятками отправляя на дно неохранные транспорты, зачастую прямо в виду все еще работающих, несмотря на войну, береговых маяков. Целей было так много, а условия для атак настолько простыми, что «бородатые мальчики Деница» предпочитали топить только груженные суда, чтобы расходовать торпеды с максимальным эффектом. То было счастливое время «серых волков» – время легких побед, когда счета подводных асов росли с головокружительной быстротой, а награды сыпались дождем. Подводники, в борьбе с цепкими британскими эскортами уже успевшие отвыкнуть от безнаказанных успехов начала войны, теперь вновь купались в лучах славы.

Армия и люфтваффе тоже пока не проявляли особого беспокойства. У вступившей в войну Америки не оказалось ни достойной упоминания армии, ни достаточно мощных ВВС. А все, что было, быстро перебрасывалось на тихоокеанский театр военных действий в тщетной попытке остановить неуправляемый натиск самураев. Правда, кое-какие неприятности перепали на долю новоявленных союзников: американская морская пехота при поддержке Атлантического флота еще до Рождества овладела французскими колониями на Мартинике и в Гвиане, прихлопнув попутно и стоявшие на Мартинике корабли французской вест-индской эскадры. Немцам, правда, до этого было мало дела. Уязвимость этих баз была вполне очевидна, поэтому особых надежд на них и не возлагали – в планы операции «Paukensschlag» французские порты в Карибском море даже не вносились, в отличие от куда лучше обеспеченных и подготовленных к обороне африканских.

А вот представителей германской экономики вступление США в войну озаботило не на шутку. Поэтому совещание, происходившее в «Вольфшанце» в середине декабря, было посвящено не столько военным, сколько экономическим перспективам. К удивлению многих, Гитлер, ранее упорно не желавший сокращать гражданский сектор экономики, теперь не только согласился с необходимостью полного перевода всей промышленности на военные рельсы, но и потребовал осуществить этот переход максимально полно и быстро.

¹⁴ Официальное название ВМС США.

Фюрер вообще довольно сильно изменился после вскрывшегося предательства главы армейской разведки. Вождь германской нации стал замкнутым и угрюмым, зато полностью избавился от раздражительности, преследовавшей его предыдущие месяцы. Гитлером овладела мрачная решимость. Он словно вознамерился бросить вызов всему миру и самой судьбе, стремясь победить во что бы то ни стало. Добиться своего любой ценой, невзирая ни на какие жертвы, стало его единственной целью.

Через ведомство Геббельса было объявлено о начале «тотальной войны» и мобилизации всех сил страны для достижения полной и окончательной победы. ОКХ, пользуясь внезапным поворотом в настроении фюрера, наконец-то смогло пробить дополнительные мобилизационные мероприятия. Под объединенным натиском начальника штаба ОКВ и главы РСХА министерство труда пошло на изъятие существенного количества рабочих призывного возраста из экономики. Работники, потерявшие бронь, тут же призывались в ряды вооруженных сил. Взамен в экономику вливались миллионы ост- и вест-арбайтеров, вербуемых по всей Европе. Гейдрих, со своей стороны, разворачивал масштабные военные производства с использованием труда заключенных концентрационных лагерей. На месте крупнейших концлагерей стремительно возводились колоссальные промышленные комплексы. Строились не только заводы, но и коммуникации, инфраструктура, подъездные пути, жилые помещения... Жертвы среди подневольных строителей никого не волновали. Фактически на костях пленных и заключенных возводились новые города.

Германия целеустремленно наращивала свои мускулы, готовясь к новым сражениям. Под давлением Берлина остальные страны Европы также вынуждены были начать милитаризацию своих экономик. Причем немцы практически в ультимативной форме требовали от младших партнеров абсолютного перехода на немецкие стандарты – только немецкая техника, детали, технологии. Исключения не приветствовались, а любые попытки уклониться от поставленных условий пресекались весьма жестко. Теперь, когда Франция, пройдя точку невозврата, втянулась в войну на стороне «Оси», немцы отбросили все прошлые реверансы и без затей подготавливали европейскую промышленность под свои нужды – время переговоров прошло.

Прошел и период относительного затишья, установившийся на Восточном фронте после взятия Москвы. Советские армии, оправившись от осенних поражений и восстановив свои силы, перешли в контрнаступление – началась зимняя кампания.

* * *

В полной мере изменение оперативной обстановки Ганс и остальные вояки дивизии «Тотенкопф» ощутили в конце декабря. Еще позавчера солдаты и офицеры разведбата весело отмечали Рождество в тихом Осколе, а сегодня батальон подняли по тревоге и срочно направили форсированным маршем на юг. Уже по дороге выяснилось, что их бросили залатывать дыру, пробитую русскими во фронте 6-й полевой армии – батальон Бестманна превратился в пожарную команду.

Подпрыгивая на сиденье скачущего на ухабах «кюбельвагена», Ганс на чем свет стоит проклинал чертовых «иванов», которым приспичило перейти в наступление в такую холодину, с тоской вспоминая оставшиеся в Осколе натоленную хату, чистую постель и веселую Оксану – радушную хозяйку всех этих радостей. Теперь вместо покинутого великолепия предстояли кровавые бои, холодные окопы, продуваемые всеми ветрами и неуютные земляные бункеры и блиндажи, которые еще предстояло выдолбить в мерзлой земле, ставшей прочной, как камень. А вместо ожидавшегося возвращения на родину впереди отчетливо рисовалась перспектива тяжелой и затяжной зимней кампании. На счет последнего Ганс не питал никаких иллюзий – раз уж их элитную дивизию, даже не пополнив до штата, стали раздирать по частям для

затыкания прорывов, находящихся за пару сотен километров от мест дислокации, то дело однозначно плохо и вряд ли резко улучшится в ближайшее время.

Хорошо еще, что удалось хоть немного передохнуть перед этим и нормально отпраздновать Рождество. Да и на «ковшике» он пересел очень вовремя – на мотоцикле в такую погоду совсем тоскливо, а тут все же брезентовая крыша над головой, да и в морду не дует – тоже преимущество как-никак. Полученное месяц назад новое зимнее обмундирование, уже заслужившее в частях неофициальное название «восточного», тоже было сейчас как нельзя более кстати, полностью оправдав возлагавшиеся на него надежды. Ганс усмехнулся собственным мыслям: все-таки повод для оптимизма можно найти всегда. Если, конечно, хорошо постараться.

Через недельку боев, однако, отыскивать позитивные моменты стало совсем сложно. Разведбат Бестманна фактически был выведен из состава «Тотенкопфа» и вообще из 1-й танковой группы (которая, кстати, 1 января была переименована в 1-ю танковую армию) и подчинен штабу XVII армейского корпуса 6-й полевой армии, ведущей ожесточенные бои на Донце. Командовавший корпусом генерал-лейтенант Холлидт воспринял подваливший ему отлично экипированный и полностью моторизованный батальон как манну небесную и назначил его вместе с моторизованным зенитным дивизионом люфтваффе мобильным корпусным резервом. В результате этого эсэсовцы вместе с коллегами по несчастью из ведомства Геринга вынуждены были мотаться по всему фронту обороны корпуса с одного участка на другой, затыкая постоянно возникающие прорывы.

Жизнь превратилась в сплошную череду маршей, атак и контратак, сливающихся в одну кровавую мешанину. Бои шли днем и ночью. После очередной схватки мобильную группу отводили в резерв, чтобы тут же перебросить ее на соседний участок и кинуть в новый бой. Есть и спать приходилось урывками, в основном во время перебросок с места на место. Бойцы при этом отдыхали по очереди, сменяя друг друга за рулем.

Люди вымотались до предела, лица обросли многодневной щетиной и посерели, глаза воспалились от хронического недосыпания. Постоянное напряжение давало себя знать – в краткие моменты отдыха солдаты буквально валялись с ног, мгновенно засыпая практически в любом положении. Поскольку температуры стояли отнюдь не летние, офицерам и опытным унтерам приходилось постоянно следить, чтобы никто из подчиненных не завалился спать прямо в сугроб, так как это грозило потерей бойца от обморожения или просто смертью от переохлаждения.

В непрерывных боях батальон буквально таял на глазах. А атаки русских и не думали прекращаться. Свежие «сибирские» части, одетые в светлые бараньи полушубки и шапки, в валенках и белых маскахалатах и к тому же весьма неплохо вооруженные и обученные, лезли и лезли на позиции XVII корпуса, заставляя трещать по швам тонкую оборонительную линию немецкой пехоты.

Нет, опытным глазом Ганс замечал, что у противника тоже не все гладко. Например, артиллерийский огонь русских был откровенно жидковат – орудий (особенно тяжелых) и снарядов к ним у советов явно не хватало. Но все-таки XVII корпусу противостояли свежие, не обескровленные боями части, неплохо подготовленные к зимним боям. И это сказывалось. К вечеру 5 января 1942 года Ганс понял это как никогда отчетливо.

В этот день с рассветом их батальон после очередного ночного марша пошел в атаку на прорвавшихся ночью сибиряков, занявших какое-то село, превращенное пехотинцами Холлидта в опорный пункт. Три дня назад им уже приходилось отбивать эту кое-как укрепленную кучку строений. В тот раз все прошло удачно – удалось незаметно подобраться к самой окраине по заросшему редкими кустами руслу небольшого ручья. В этот раз номер не прошел: русские учли полученный урок и выставили с опасного направления соответствующий заслон, отогнавший огнем штурмовую группу из 4-й роты, сунувшуюся по знакомому маршруту. Бес-

тманн быстро собрал всех ротных командиров и прикомандированных к мобильной группе офицеров. Вопрос, собственно, был только один, и штурмбаннфюрер с ходу его озвучил:

– Ну и как теперь брать эту чертову кучу поленьев?

– А никак! – огрызнулся Франц Штайнер, командир провалившей атаку 4-й роты. – Слишком у них позиция хорошая – пулеметчики простреливают все русло до самого поворота. Идти на них в лоб – самоубийство, а подавить их отсюда не получится, их берег прикрывает.

– Остынь, Франц, тебя никто не винит. Просто «иваны» стали слишком быстро учиться на своих ошибках. Но! Взять это чертово село (как бишь там оно называется?) все-таки надо. Так что давайте свои предложения, камрады.

– Хорошо бы их с воздуха чем-то тяжелым накрыть. Пока бы они от бомб уворачивались, можно было бы проскочить по полю напрямик.

– Заманчиво. Что скажет люфтваффе?

Оберлейтенант люфтваффе, прикрепленный к группе в качестве офицера связи и корректировщика, отрицательно покачал головой.

– Сейчас все «штуки» работают в Донбассе. Максимум, на что мы можем рассчитывать, – это разведчик-корректировщик.

Вагнер, бессменный командир тяжелой роты, не сдержавшись, хмыкнул:

– Он был бы очень кстати, если бы у нас вдруг оказался гаубичный дивизион.

– Тонкое наблюдение, Курт. А твои игрушки на что?

– А что мои игрушки? У «обрубков»¹⁵ снаряды кончились – вчера последние расстреляли. Ждем, когда подвезут. Служба снабжения ничего конкретного не обещает. От «колотушек» тут особого толку не будет, сам понимаешь. К трофеям есть по два десятка шрапнелей и по полтора десятка осколочно-фугасных на ствол. Но снаряды у них не чета гаубичным, так что...

– Donnerwetter! Как не вовремя. Пауль, как у тебя?

Командовавший зенитным дивизионом гауптманн люфтваффе пожал плечами.

– У меня осталось примерно по тридцать снарядов на ствол, считая несколько бронебойных. А легкая батарея все еще на старой позиции, откуда мы свалили вчера – командир дивизии придержал для отражения контратак. Раньше завтрашнего утра мы ее не получим.

– Ладно, тридцать снарядов не так уж и плохо, должно хватить. Сделаем так: Курт, открываешь огонь из трофеев, шрапнель вперемишку с осколочными, чтобы «иваны» морды в землю уткнули. Пауль, твоя третья батарея занимается тем же. Вторая пока в резерве. «Колотушки» выставляем на прямую наводку и пытаемся гасить русские пулеметы, когда они проснутся. 2-я и 4-я роты идут в атаку в лоб через поле. 5-я рота пытается подавить огнем русскую минометную батарею за селом – больше нам их достать нечем. Ганс, твоя рота постарается зайти слева, вдоль реки. Постараемся раздергать силы русских. Раз они выделили сильный заслон на левый фланг, то на весь периметр их может не хватить. 1-я рота и взвод «обрубков» – в резерве. Есть вопросы? – Бестманн обвел взглядом хмурые лица офицеров и, не дождавшись ответа, скомандовал: – Тогда по местам. Начинаем через 40 минут.

* * *

Ганс зло сплюнул в сугроб и бросил быстрый взгляд на своих солдат, пытающихся найти хоть какое-то укрытие от вражеского огня среди чахлах деревьев и голых прутьев прибрежной лозы. Все пошло наперекосяк с самого начала. Началось все с того, что у русских оказалась не одна, а две минометные батареи, а продолжилось тем, что они еще и батарею своих «бах-

¹⁵ «Обрубков» – прозвище короткоствольных 7,5-см орудий LeIG18.

бухов»¹⁶ приволочь успели. Атаковавшие в лоб роты вынуждены были залечь под сильным артиллерийским и пулеметным огнем, преодолев едва ли половину расстояния до ближайших домов. А затем и вовсе откатились назад, понеся существенные потери.

У Ганса до поры до времени все складывалось относительно неплохо. Пользуясь тем концертом, который устроили прямо перед фронтом русских основные силы батальона, его рота, зайдя с фланга, преодолела большую часть открытого пространства, прикрываясь жиденькой прибрежной рощицей, и уже готовилась к решительному броску, как вдруг попала под сильный обстрел с восточного берега Донца. Ганс, лично проводивший рекогносцировку перед атакой, готов был поклясться, что еще час назад у «иванов», кроме пары наблюдателей, никого на том берегу реки, левее злополучного села не было. А теперь оттуда прицельно лупило аж три станковых пулемета!

Под убийственным фланговым обстрелом рота быстро залегла в редких прибрежных зарослях, а когда через несколько минут к обстрелу присоединилась одна из минометных батарей, Нойнер ясно и отчетливо понял, что пора сваливать. Проблема была в том, что сделать это под огнем пулеметов было, мягко говоря, проблематично.

– Руди!

Ответа не последовало. Быстро оглядевшись, Ганс без труда обнаружил причину молчания – радист Руди Фриснер лежал с простреленной головой. Стремительно перекатившись в сторону и вжавшись в сугроб, Ганс за ногу подтянул к себе труп радиста вместе с закрепленным у него на спине «Телефункеном». Расположившись за телом, как за бруствером, он стянул с него рацию, слегка подкрутил верньеры настройки и стал вызывать штаб батальона. Успех пришел довольно быстро.

– Эй, кто там, это «Дора-3». Требую артиллерийскую поддержку по левому берегу!

– Вас понял, «Дора-3». Уточните координаты и тип цели.

– Квадрат В14, пулеметы в открытых окопах.

– Принято.

– Быстрее!

Голос в наушниках внезапно поменялся.

– Что у вас там творится, «Дора-3»?

– Вальтер, ты, что ли? У нас тут паршиво – нас прижали пулеметами с того берега.

– Scheisse! Откуда они там взялись?

– А я знаю? Из резерва, наверное. Полчаса назад их там точно еще не было.

– Ладно, сейчас попробуем их подавить, а вы сматывайтесь оттуда по-быстрому, как только они заткнутся – снарядов нам надолго не хватит.

– За это не переживай. Лично я хочу отсюда свалить больше кого бы то ни было!

– Хорошо. Оставь кого-нибудь на связи – нам нужен корректировщик, отсюда цель не просматривается.

– Радист убит, сейчас подыщу кого-то.

Ганс в очередной раз осмотрелся и, заметив одного из солдат пулеметного взвода, проорал:

– Эй, ты, Ланга сюда! Сейчас нам помогут артиллерией, пусть корректирует огонь.

Убедившись, что приказ ушел по цепочке, Нойнер ловко пополз в противоположную сторону, благо минометный обстрел прекратился – пока артиллерия раскачивается, неплохо бы и самим что-то сделать для своего спасения! Вот хотя бы грохнуть того снайпера, который

¹⁶ Под таким прозвищем среди немецких солдат была известна советская трехдюймовая дивизионная пушка Ф-22 и ее модификации. Прозвище пошло от того, что из-за высокой скорости снаряда немецкие солдаты слышали разрыв (бах), раньше, чем выстрел (бух).

застрелил радиста. Как-то не хотелось поймать от него пулю, командуя отступлением своей роты.

Добравшись до позиций второго взвода, следившего за занятым противником селом, Ганс сразу же наткнулся на Клинсмана.

– Где Крамер?

Молчаливый унтер указал рукой на скрюченную серую фигуру с прижатыми к животу руками.

– Жив?

Куно только отрицательно качнул головой. Ганс злобно выругался.

– Командуешь прикрытием. Мы скоро отходим. Смотри, чтобы «иваны» не вздумали за нами погнаться.

Даже не дожидаясь подтверждающего кивка, Ганс вновь змеей заскользил между кустами и сугробами. На полпути к оставленному им телу радиста он, наконец, услышал сверлящий свист пролетающих над головой снарядов и грохот разрывов на восточном берегу – «acht-acht»¹⁷ из второй батареи вступили в дело. Геро, проделав в сугробе под трупом радиста пару отверстий для наблюдения, всюду корректировал огонь зенитчиков. Разрывы ровной линией ложились в зарослях на противоположном берегу. Пулеметный обстрел быстро прекратился.

Нойнер тем временем, пробираясь вдоль позиций своей роты, нашел того, кого искал. Франц Янсен, лучший пулеметчик во всем батальоне, прильнул к прицелу своей «костной пилы», хитро примостившись под снежным козырьком и оказавшись как бы внутри сугроба. Его лучший друг, второй номер расчета Тим Кроос, лежал в нескольких шагах, раскинув руки и устремив в небо невидящий взгляд. Меховая куртка на груди потемнела от крови, тонкая красная струйка все еще стекала из уголка приоткрытого рта – парень умер совсем недавно.

Ганс, втиснувшись под корягу, видимо принесенную сюда весенним половодьем, окликнул прикинувшего к оптическому прицелу пулеметчика:

– Засек гада?

– Нет.

– Ладно, сейчас разберемся.

Нойнер еще раз посмотрел на распростертое тело Крооса, стараясь прикинуть, как оно располагалось перед попаданием, затем добавил в свою мысленную схему место гибели радиста, после чего взял за бинокль и, прикинув к окулярам, принялся методично прочесывать взглядом заросли противоположного берега.

– Сейчас ты получишь свое, зараза.

На восточном берегу легла очередная серия разрывов, и что-то в только что тщательно осмотренных кустах неуловимо изменилось. Ганс буквально впился глазами в привлечший его внимание кусочек посеченных осколками зарослей.

– Ага, попался, Arschloch! Порубленные кусты, лево двадцать от той промоины, которую только что накрыли.

Конец фразы Нойнера потонул в грохоте длинной пулеметной очереди. В бинокль было отчетливо видно, как сыплются на землю кусочки покрошенной тяжелыми пулями лозы, как взлетает легкими фонтанчиками снег. Затем в сторону отлетела сорванная шапка. Готово!

Ганс быстро рванул к основной части бойцов.

– Отходим!

Через несколько минут он уже наблюдал, как сильно поредевшие остатки его роты ломятся через открытое пространство к небольшому осиннику, с которого начиналась их неудачная атака. Солдаты молча и сосредоточенно перли по снегу к спасительным деревьям, волоча на себе раненых. Бегущий в авангарде Геро тащил рацию. Ганс подгонял сзади отстаю-

¹⁷ «Восемь-восемь» – прозвище тяжелых зенитных орудий калибром 8,8-см (нем.).

щих. За ним отступал только арьергардный второй взвод во главе с Куно. Зенитки продолжали методично накрывать пулеметные позиции русских на противоположном берегу, обеспечивая отход. Русская минометная батарея возобновила обстрел, однако на этот раз он был совсем редким, да и не очень прицельным. Видимо, в отличие от береговых зарослей поле за ними русские не пристреляли, да и особого изобилия лишних боеприпасов у них не наблюдалось.

Близкий разрыв за спиной заставил инстинктивно пригнуться, в спину ощутимо ударило, а в следующий момент ноги почему-то подвернулись, и Ганс с размаху полетел носом в снег. Попытался сразу вскочить, но тело слушалось как-то плохо, что-то было не так. А через секунду пришла боль. И больше уже не отступала.

Когда его на ходу подхватили за ремни амуниции двое бойцов из подоспевшего взвода Клинсманны и быстро потащили к вождленному леску, Ганс честно пытался перебирать волочившимися по земле ногами, но получалось не очень. Мешали боль и внезапно навалившаяся слабость. А еще куда-то исчезли все мысли – в голове бушевала лишь дикая ярость, переходящая в ослепляющую ненависть ко всему живому.

«Дайте только добраться хоть до кого-нибудь, и тогда всем чертям в аду станет тошно!» Эта мысль, внезапно всплывшая из затуманенных болью глубин разума, была последней, перед тем как сознание окончательно померкло.

Глава 3

Вдали от войны

После того памятного январского боя Нойнера так вытащили из-под обстрела и доставили в ближайший дивизионный госпиталь. Несмотря на жутковатый вид, рана оказалась поверхностной (ребра и плевра практически не пострадали), хотя и привела к серьезной кровопотере. Так что операция свелась к выковыриванию у него из спины довольно приличного куска сталистого чугуна, застрявшего в левой лопатке, и зашивании порванных спинных мышц. После этого началось долгое и мучительное путешествие на санитарных машинах в армейский госпиталь, расположенный в Харькове.

Анализируя впоследствии свои воспоминания, Ганс неизменно приходил к выводу, что первый визит в этот город по всем ощущениям был не в пример приятнее – в этом Ганс был абсолютно уверен, несмотря на то что большую часть первой поездки он проспал. Вернее, именно поэтому. Потому что за все время езды на санитарном транспорте поспать ему толком не удалось ни разу – уж очень сильно (и всегда не вовремя) болела попорченная спина.

Зато в Харькове за него взялись сразу и всерьез. Основой лечения были регулярные перевязки (дважды в день), с обязательным отдираньем присохших бинтов, и ударные дозы новомодного белого стрептоцида, вводимого внутрь организма самыми разнообразными способами. Оберштурмфюрер героически сносил все эти издевательства, хотя по вечерам ему и хотелось немного повыть на зависть всем волкам в лесу, благо как раз начиналось полнолуние...

Были, впрочем, в госпитальной жизни и положительные стороны. Во-первых, Ганс наконец-то выспался. Во-вторых, отъелся. Собственно, на этом список положительных моментов, связанных с пребыванием в госпитале, заканчивался, так как приятные бытовые мелочи, вроде чистого белья, электрического освещения и ватерклозета, впечатляли не сильно, поскольку с лихвой компенсировались необходимостью лежать только на здоровом правом боку и все время следить за своими движениями, чтобы ненароком не потревожить незакрытую рану на спине.

Тем не менее обилие комфорта и правильный режим делали свое дело – молодой организм выздоравливал прямо на глазах. Стрептоцид также оправдал возложенные ожидания, не допустив никакого воспаления. Ганс стремительно шел на поправку и рассчитывал уже к началу февраля вернуться в свой батальон, однако в предполагаемый ход событий вмешался *force majeure*¹⁸, возникший в середине января.

Через неделю после прибытия в Харьков лечение внезапно стало давать резкие побочные эффекты: появились головокружение, тошнота, рвота... Вдобавок ко всему резко упало содержание лейкоцитов в крови – началась лейкопения. Врач, недолго думая, приписал этот эффект усиленному применению стрептоцида и тут же прекратил его выдачу. Головокружение, тошнота, рвота и понос прошли. Но теперь Ганс ходил вялый и бледный, чувствуя себя при этом как выжатый лимон. Рана заживала медленно, хотя гноя почти не было. Создавалось ощущение, что иммунитет, беспощадно и эффективно давивший на корню любые инфекции и простуды в суровых фронтовых условиях, попав в тепличные условия стационарного госпиталя, несколько растерялся и взял тайм-аут.

Поскольку выздоровление откладывалось, а поток вновь поступающих раненых не прекращался, то госпитальное начальство вполне логично решило перевести Ганса подальше в тыл, освободив место в прифронтовом госпитале для новых пациентов. Дополнительным осно-

¹⁸ Форс-мажор, непредсказуемое событие, не зависящее от действий сторон (*фр.*).

ванием для перевода послужило также и нестандартное протекание болезни, которое связывалось врачами с использованием нового и еще не до конца изученного вида стрептоцида. Поэтому решено было не просто отправить необычного больного подальше в тыл, а определить его в одну из университетских клиник для дополнительного изучения обстоятельств и последствий применения передового препарата. Таким вот образом 22 января 1942 года оберштурмфюрера Нойнера отправили в Германию для дальнейшего излечения.

Оставив заснеженный Харьков, Ганс с санитарным конвоем добрался до Днепропетровска, а уже оттуда двинулся поездом. Его путь пролегал через Львов, Краков и Бреслау, завершившись в Дрездене – одном из красивейших городов Германии. Столицу Саксонии в те времена недаром называли «немецкой Флоренцией» – ценитель прекрасного нашел бы там немало поводов для восторгов. Однако погруженный в апатию Нойнер остался полностью равнодушным к красотам города на Эльбе. Даже возвращение на родину после более чем годичного отсутствия его практически не взволновало.

Всю дорогу в санитарном поезде Ганс проспал, практически не вставая с полки. Этим же он занимался и после помещения в дрезденскую больницу. Просыпаться и вставать не хотелось. Совсем. Организм словно впал в зимнюю спячку и категорически не хотел из нее выходить. Именно овладевшее оберштурмфюрером безразличие ко всему и общий упадок сил, по мнению университетских врачей, являлись главными причинами затянувшейся болезни.

Однако все в жизни когда-то заканчивается. Закончился и внезапно овладевший Гансом приступ хандры. Этот перелом в его настроении случился внезапно, но, как и все в этом мире, имел под собой вполне логичную причину. Даже две.

* * *

Первой из них был новый сосед по палате – артиллерийский оберлейтенант Бенедикт Недамански. Когда пасмурным февральским днем его привезли в палату вместо переведенного в другое отделение тихого лейтенанта службы снабжения с тяжелой контузией, Ганс, по своему обыкновению, тихо спал, не подозревая, какую подляну приготовило ему местное сообщество последователей Гиппократов. А сюрприз вышел знатный, в чем Нойнер смог лично убедиться самое позднее через полчаса после начала их вынужденного знакомства.

Бенно принадлежал к той самой породе людей, для которых молчание является чем-то вроде изодренной пытки. Такой тип темперамента обычно встречается у женщин, но неунывающий артиллерист явно был редким исключением. Рот у него буквально не закрывался, причем то, что собеседник за все время «разговора» выдал в ответ всего шесть слов («Ганс... оберштурмфюрер Ганс Нойнер... из Баварии»), его абсолютно не смущало. Поэтому уже в течение первого часа с начала их общения Ганс узнал массу самой различной информации, по большей части абсолютно бесполезной.

Среди прочего, выяснилось, что Бенно является уроженцем Судет и при этом на четверть чехом, что нисколько не помешало ему в свое время эмигрировать с родителями в Германию, а затем начать карьеру военного. После того как активисты партии Генлейна своим живейшим участием в беспорядках дали основание для мюнхенской конференции, Бенно получил возможность поучаствовать в присоединении своей малой родины к рейху. Через год после этого знаменательного события Недамански вместе со своим тяжелым гаубичным дивизионом резерва ОКХ оказался в Польше, где (с его слов) сыграл, безусловно, решающую роль в штурме Варшавы, о чем Гансу в красках было поведало в течение следующих 40 минут. Дальше последовало подробное описание жизни и невероятных приключений лейтенанта Бенедикта Недамански, двадцати пяти лет от роду, при прорыве линии Мажино в ходе французской кампании...

К тому времени как Бенно добрался до описания своих подвигов в России (примерно через три часа после начала знакомства), Ганс постепенно и незаметно погрузился в состояние тихого и беспросветного ужаса от перспективы провести неопределенное время в одном помещении с этой шумовой бомбой. В отчаянной попытке хоть ненадолго заткнуть неиссякаемый фонтан красноречия Нойнер, не подумав, ляпнул о том, что тоже бывал в Судетах и участвовал в присоединении Богемии. Даже не успев закончить фразу, Ганс по нездоровому блеску в глазах собеседника уже понял, какую фатальную ошибку он совершил. У артиллериста буквально открылось второе дыхание! А если учесть, что и первое дыхание Бенно себе не сильно-то сбил, то положение Ганса, очевидно, переходило из состояния «критического» в разряд «катастрофического».

Осознав этот неприятный для себя факт, Нойнер впервые за последнее время ощутил непреодолимую потребность в активных действиях – мозг отчаянно заработал, пытаясь найти выход из создавшейся ситуации и попутно призывая весь остальной организм сделать хоть что-то для своего спасения. Решение пришло неожиданно: лихорадочно обшаривая взглядом комнату, Ганс обратил внимание на инвалидную коляску, стоящую за койкой соседа по палате.

– Эй, Бенно, а куда тебя ранило-то?

– Да в ноги! Черт бы их побрал, тех «иванов». Ах да, я же тебе еще не рассказывал... Слушай! В общем, когда мы прибыли из Крыма...

– Так тебе что, обе ноги попортило? – В голове Ганса затеплилась робкая надежда на спасение.

– Ну да! Нарвался на очередь из пулемета. Правую в гипс, а левая через мякоть – гноится до сих пор. Ты слушай! Это в декабре было...

– То есть ты «лежачий» теперь? – Надежды Нойнера крепили прямо на глазах.

– Ага. Даже на каталку эту чертову залезть толком не могу. Эх-х!

– Ты полежи пока, я сейчас...

С этими словами Ганс скатился с койки со скоростью, которую демонстрировал разве только в лучшие времена при сигнале побудки в казарме, и стремительно вылетел в коридор. Лишь пробежав пару коридоров и спустившись на первый этаж, он почувствовал себя в безопасности. Прислонившись здоровым плечом к стене, Ганс наконец-то смог спокойно перевести дух. Рана побаливала, дыхание с непривычки немного сбилось, недавно сросшиеся мышцы спины слегка подергивало, но, несмотря на эти мелкие неудобства, на его губах блуждала счастливая улыбка – впервые со дня злополучного боя.

* * *

Причина выздоровления номер 2 носила необычное и поэтическое имя – Сольвейг Солемдаль. Принадлежало это имя новой медсестре из норвежского Красного Креста, которая вместе с другими девушками прибыла для работы в больницу на следующий день после появления Бенно и была закреплена как раз за тем отделением, где находились на излечении Ганс и его словоохотливый сосед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.